

№1 (1612)

2012

Не в силе Бог, а в правде!

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1992-2012
ЖУРНАЛ
«ПОСЕВ»
20 ЛЕТ
ИЗДАЕТСЯ
В РОССИИ

Журнал «Посев».
Учредитель: Некоммерческое Партнёрство
«Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения и при содействии
издательства POSSEV GmbH Frankfurt am
Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Т.П. Артёмова,
Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков,
А.Б. Горянин, В.Э. Долинин,
Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько,
О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов,
Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих,
Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров,
В.Б. Славин-Боровский,
М.В. Славинский, И.Б. Чубайс,
И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

К.В. Оскоцкая

Юр. адрес издателя и редакции: 127051,
Москва, ул. Неглинная, д. 27/2/26, стр. 1,
пом. 96

Телефон/факс: (495) 625-9248

E-mail: tsurganov@mail.ru;

posevru@online.ru

http://www.posev.ru

Адрес типографии ООО Принт сервис
групп: 125438, Москва, 2-й Лихачёвский
пер. 7. Телефон (495) 797-8124

Тираж 800 экз. Свободная цена

Подписано в печать 26.12.2011

Адрес издательства POSSEV GmbH:

Flurscheideweg 15,

D-65936, Frankfurt a. M., Germany

Tel. 34-1265; fax 34-3841.

http://www.posev.de

E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати и информации Российской Федера-
ции 29.11.2002

Свидетельство о регистрации

ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издатель-
ское, исследовательское и просветитель-
ское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают
с точкой зрения редакции. Ответствен-
ность за точность приводимых сведений
несут авторы. Редакция в переписку с не-
опубликованными авторами не вступает.
Рукописи не возвращаются и не рецен-
зируются. При перепечатке любых мате-
риалов ссылка на источник обязательна

ПОСЕВ

№ 1 (1612) январь 2012 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

Вацлав Гавел 2

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Даниил Алексеев. Выборы в Госдуму-2011:

итоги и уроки 3

Кирилл Александров. Опасность безвкусыя... 5

Александр Серёгин. Уроки Декабря 6

Григорий Амнуэль. Кино и площадь..... 9

Борис Пушкарев. Уровень жизни
на постсоветском пространстве 11

Валерий Сендеров. За что боролись,
или Пафос смертельного добра..... 13

Александр Горянин. Берлускони, спаситель
Италии 16

ПО СТРАНЕ

Андрей Миронов.

Там, где сумеречный рассвет 20

Дмитрий Ягодинцев. Катимся к пропасти
или движемся вперёд?.

Борис Бедросьян. Возвращение 25

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Солженицын:

мыслитель, историк, художник 26

Рената Гальцева. Один из эпизодов

наступления на Солженицына

как интерпретатора русской истории 26

Павел Проценко. Владимир Соловьёв,

соловьёвцы и Александр Солженицын 29

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Антон Васильев. Царские застенки..... 34

Ростислав Полчанинов. Денежная реформа

1948 года в Германии..... 39

КНИГИ И ЛЮДИ

Сергей Порохин. Военный теоретик

и боевой генерал-лейтенант А. К. Баиов ... 42

Георгий Вербицкий.

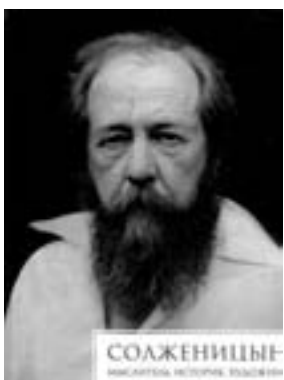
Неудобная недоговорённость..... 45

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Госархив РФ открыл выставку

«Зарубежная архивная Россия».

Новые поступления 2010–2011 гг. » 48

18 декабря умер Вацлав Гавел — писатель, драматург, правозащитник, Президент Чехословакии (1989–1992) и Чехии (1993–2003).

Он был одним из авторов Хартии-77. Подписавшие этот документ (изначально их было 241) стремились выявлять случаи расхождения чехословацкой действительности с международными соглашениями о правах человека. В изданиях Хартии также проводилась дискуссия по вопросам национального самосознания. За годы Хартию подписали около 12 тысяч чехов и словаков.

Согласно первоначальному замыслу Хартии, были сформированы рабочие группы, сконцентрировавшие свои усилия на конкретных проблемах. Самая известная из них — Комитет защиты несправедливо преследуемых (VONS). Этот комитет подготовил более четырёхсот информационных сообщений.

Спустя двадцать один год после Хартии, 20 июля 1988 года Вацлав Гавел в числе прочих подписал «Письмо чехословацких интеллектуалов, адресованное Л. Абалкину, Т. Абуладзе, А. Адамовичу...» (и другим российским интеллектуалам): «Вторжение иностранных войск в 1968 г. — говорилось в документе, — нанесло огромный ущерб не только чехословацко-советским, но и чехословацко-русским отношениям. Воспоминания о Красной Армии, освободившей Чехословакию в 1945 г., были выкорчеваны из нашего сознания 21 августа 1968 г. В этот день у нашего народа выработался новый рефлекс: если в 1945 г. мы приветствовали советскую армию прежде всего как братскую армию славянской России, то день 21 августа 1968 г. стал для нас днём вторжения русских. Возникло ранее неведомое нашим народом чувство — отвращение к России и русским, распространившееся на всю советскую культуру. Действия правительства и средств массовой информации, пропагандировавших у нас всё советское и заверявших СССР в горячей дружбе наших народов, были бессильны изменить это отношение. Кинотеатры, демонстрировавшие советские фильмы, пустовали, а полки книжных магазинов были завалены книгами советских авторов».

Кремлёвскую пропаганду последних лет Вацлав Гавел оценивал как трансформацию советской идеологии, как следствие этого — страх государств, соседних с Россией, в отношении её правителей. Но такая Россия, — заключал Гавел, — прежде всего, является опасностью для своих граждан.

В 2011 году, под давлением Вацлава Гавела, было отменено вручение берлинской премии «Квадрига» Владимиру Путину. Учредителем премии является клуб Werkstatt Deutschland. Премия вручается людям или группам за стремление к инновациям, общественному благу и обновлению путём действий в сфере политики, экономики и культуры. Церемония награждения проходит ежегодно 3 октября — в День немецкого единства в память воссоединения Германии.

Гавел получил эту премию в 2009 году.

«Политика не есть искусство возможного; политика — искусство невозможного».

Даниил Алексеев

Выборы в Госдуму-2011: итоги и уроки

4 декабря 2011 года в России прошли очередные выборы в Государственную Думу, ставшие важным этапом в формировании отечественной партийно-политической системы. При всех издержках их результаты и реакция общества на эти результаты весьма показательны. Начнём с официальных итогов.

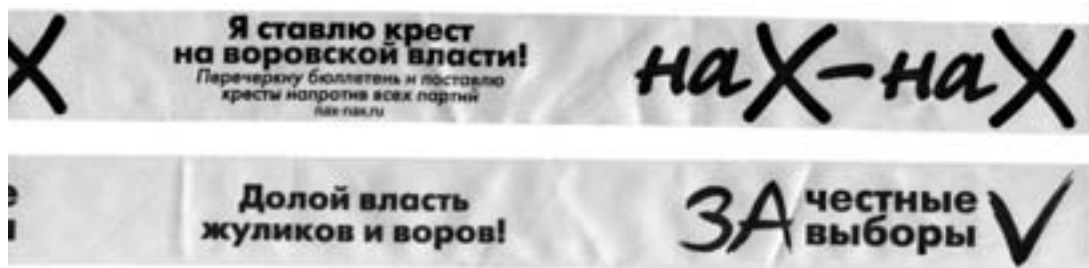
Официальные итоги выборов в Госдуму 4 декабря.

Партия	Процент голосов	Число мест
1. «Единая Россия»	49,32	238
2. КПРФ	19,19	92
3. «Справедливая Россия»	13,24	64
4. ЛДПР	11,67	56
5. «Яблоко»	3,43	0
6. «Патриоты России»	0,97	0
7. «Правое дело»	0,60	0
Явка	60,2	–

Семипроцентный барьер преодолели те же четыре партии, что и в 2007 и 2003 гг. (только в 2003 г. место «Справедливой России» занимала «Родина», объединившаяся в 2006 г. с двумя другими партиями в «СР»), что говорит не столько о постоянстве симпатий избирателей, сколько о создании своеобразной олигополии. Политический рынок России в 2003 г. монополизировали четыре наиболее крупные и влиятельные партии (для сравнения, в США таких две), получившие все преимущества: государственное финансирование, доступ к СМИ, известность, психологическую уверенность электората в их «избираемости». Другим партиям вмешаться в эту борьбу почти невозможно.

В то же время даже такой видный и многоопытный государственный деятель, как и. о. главы Администрации Президента РФ В. Ю. Сурков, являющийся главным кремлёвским идеологом и куратором партийной системы (по мнению автора, третий по политическому влиянию человек в стране), считает, что России не хватает массовой либеральной партии, «партии раздражённых городских сообществ». По оценкам Суркова: «В замкнутых системах нарастает беспорядок. Чтобы система сохранялась и развивалась, её надо разомкнуть. Допустить в неё новых игроков. Большую партию нельзя выиграть, играя одной фигурой, даже если это фигура короля».

Не случайно прозорливый Сурков предлагал в своё время создать управляемую двухпартийную модель, в которой «ЕР» была бы правоцентристской либерально-консервативной партией, а «СР» левоцентристской социал-демократической. Обе партии конкурировали бы между собой, но оставались при этом лояльными Кремлю. Вероятно, для реалий современной России такая модель была бы оптимальной. Она позволила бы, с одной стороны, создать конкуренцию, препятствующую застою, а с другой — сохранить стабильность. Со временем такая квазидвухпартийная система могла бы перерасти в полноценную двухпартийность. В условиях падения доверия к «ЕР» и роста левых и протестных настроений «вторая нога власти» очень бы пригодилась. Но «ЕР» испугалась конкуренции и потери монополии на административный ресурс, а Путин сделал ставку на одну партию. Характерно, что в Ставропольском крае, единственном регионе, где выборы в местное законодательное собрание «ЕР» проиграла «СР», эту победу отняли с помощью судов. Что до боли напоминает постоянное снятие (по некоторым подсчётам, более тридцати раз) В. И. Черепкова и его сторонников с выборов в Приморье или отмену «независимыми» судами уже выигранных ими выборов (подобная ситуация произошла недавно и в Южной Осетии). После такого ничуть не удивительно, что

народ голосует по принципу «за кого угодно, только не за «партию жуликов и воров»».

Предпринимались при деятельном участии того же Суркова и попытки создать лояльную Кремлю правую партию. Но все они провалились. И. Шувалов и А. Кудрин отказались возглавить такую партию, а М. Прохоров возглавил, но продержался во главе её лишь три месяца. Камнем преткновения стала кандидатура Е. Ройзмана, имевшего судимость и обвиняемого в связях с ОПГ «Уралмаш». Однако Прохоров отказался исключить Ройзмана из списков. В результате «Правое дело» осталось обезглавленным и провалилось на выборах, а Прохоров смертельно разругался с Сурковым, своим потенциальным союзником.

Развал «Правого дела» давал шансы на успех «Яблоку», но этот шанс, вполне реальный, был упущен. Доказательством того, что шанс был, служат успехи «Яблока» на выборах местных парламентов Санкт-Петербурга (12,92%) и Карелии (7,13%), а также выборах в Госдуму в том же Санкт-Петербурге (12,03%) и Москве (8,5%). Предвыборная кампания «Яблока» оказалась весьма вялой и не убедила избирателя. Люди не поверили, что пропавший из большой политики Явлинский «защитит их интересы», что проигравшая предыдущие две кампании партия сможет победить. Поэтому одни проголосовали за «ЕР» («за Медведева, потому что «Яблоко» всё равно не пройдёт») или КПРФ («должна же быть хоть какая-то оппозиция, а за «Яблоко» и СПС мы всегда голосовали, но они не проходят»), другие вообще не пошли на выборы («всё и так решено»). Хотя бы часть этих людей можно было убедить, как и тех, кто голосовал «лишь бы против едящих Россию». Но «Яблоко» не использовало ни тему двадцатилетия Августовской революции, ни тему экологии, ни поддержку интеллигенции. Если бы широко распространили материалы с призывом голосовать за «Яблоко» таких людей, как сочувствующие ему Д. Гранин, Б. Стругацкий, Б. Акунин, Ю. Шевчук и др., то шансы «Яблока» значительно возросли бы. Вероятно, не хватило денег и организационных ресурсов. Но даже в этой ситуации можно было сделать гораздо больше. «Яблоку» остаётся утешиться тем, что они набрали на 1,84% больше, чем на прошлых выборах, и получают государственное финансирование, что, с учётом снижения барьера до 5%, повышает их шансы на следующих выборах (которые, вполне возможно, могут пройти раньше, чем через 5 лет), конечно, если «Яблоко» извлечёт уроки из своих неудач.

Тем не менее, итогом выборов можно считать поражение «управляемой демократии». «Единая Россия» при всём использовании административного ресурса

и приписках получила менее половины голосов избирателей, потеряв почти 15% и 77 мандатов. Вероятно, если бы выборы проводились честно, то она не получила бы и простого большинства в Госдуме. О грязных методах, которые давно уже стали системой, можно было бы написать отдельную статью. Например, студентам, проживающим в общежитиях ДВФУ, давали 900 рублей при условии голосования за «ЕР» (в подтверждение нужно было представить фотографию бюллетеня со своим паспортом). Граждан, не проголосовавших до 19.00, обзывали и, если те не собирались идти голосовать, включали в специальные списки, а потом ставили за них галочку, и т. д. Подобных фактов из СМИ или личного опыта можно привести сколько угодно, но мало кто согласится дать показания в суде или перед камерой, поэтому доказать их практически невозможно. Как невозможно провести стерильные выборы при нашем уровне коррупции и административной вертикали. При существующей системе выборов губернаторы зависят не от граждан, а от Кремля и руководства «Единой России». Причём один из ключевых критериев оценки их работы — процент, набранный «ЕР» на выборах. Вот и стараются повисить его любым путём, пугают бюджетников: плохо проголосуете — не получите денег. В Чечне вообще умудрились довести поддержку «Единой России» до 99,48%. На Кавказе даже ЕГЭ по русскому языку пишут лучше, чем в русских регионах. Но в крупных городах такая система уже до того надоела, что народ готов голосовать за кого угодно, лишь бы не за «ЕР». Вот и во Владивостоке за «Единую Россию» проголосовали только 22,6%, а за КПРФ — 27,1% и из шести одномандатных округов на выборах в Законодательное Собрание Приморья коммунисты победили в четырёх, несмотря на то, что город хорошеет, строятся дороги и мосты. Участок дороги Седанка — Патрокл уже введён в эксплуатацию. Это говорит о росте гражданского самосознания городского среднего класса. Людям надоело, что ими манипулируют, считают «быдлом», «баранами» и «бандерлогами».

О том же говорит волна многотысячных митингов, прокатившаяся по крупным городам. Их участники очень разнятся по своему составу, объединяет их лишь желание справедливости, «честных выборов». Лично я испытал невольное чувство гордости за свой народ. Многие даже вспоминают демократическое движение времён Перестройки, направленное против монополии одной партии, и Август 1991 г. Общество вновь ждёт перемен. Хотелось бы только, чтобы эти перемены были позитивными и осуществлялись ненасильственным путём.

Кирилл Александров

Опасность безвкусыя

Растерянность и неуверенность.

Такими словами сегодня можно охарактеризовать состояние власти и оппозиции.

Вполне естественно, что протестные митинги — массовые даже по меркам периода 1989–1991 годов — оказались совершенно неожиданными для людей, сидящих «за стеной». Здесь сразу же вспоминается бессмертный кинодиалог: «Поручик, красные перешили Сиваши! — Ая-яй, кто бы мог подумать!».

Растерянность очевидна.

Они то ли искренне верили, что их любят почти все, то ли рассчитывали, что нелюбовь значительно меньше, чем она оказалась в действительности. И конечно, велик обвал компромата всей избирательной системы. Случись в Москве какой народный бунт, у Чурова были бы все шансы разделить участь Артамона Матвеева.

Премьер чужими устами смог лишь выдать, что он хоть и председатель партии «Единая Россия», но к самой партии не имеет никакого отношения. Фраза обречена стать классической и войти в учебники политологии.

Президент — явно посоветовали референты от большого ума — объявил видеотайп, свидетельствующие о нарушениях на избирательных участках и откровенных вбросах фальшивых бюллетеней, сфабрикованных в процессе подпольных съёмок на частных квартирах. Ничего лучше уже сказать он не смог, разве что назвать председателя Центризбиркома «волшебником».

Посыпались отставки проштрафившихся губернаторов. Решил как бы сам покинуть думскую возвышенность и Грызлов. Видимо, афоризм «Государственная Дума — не место для дискуссий» потерял актуальность.

И более всего удивительно: Патриарх ушёл в глухое подполье и хранит гробовое молчание по поводу всего, происходящего с его паствой. Настолько гробовое, что некоторые пасомые уже перепуганно задают риторические вопросы о его здоровье. Печально, но первенствующая Церковь в очередной раз показала свою полную неспособность обличить изолгавшуюся власть и выступить против лжи, в защиту правды. Чёрное надо назвать чёрным, а белое — белым. Но уже традиция потеряна.

Однако и у оппозиции эйфория сменяется неуверенностью.

Во-первых, Новый год — излюбленное на Руси время массовой вырубке зелёного друга и непотребного потребления зелёного змия. Интересы переключаются. Совсем скоро люди захотят не протестных акций, а мандаринов, шампанского, близких и дорогих лиц, смешных детских подарков (полученных или преподнесенных).

И это правильно, потому что нормально.

Во-вторых, хорошо, власть пуганули — а дальше что?

Можно пойти на второй митинг, на третий... А вот на четвёртый уже не захочется, потому что Немцов приедается.

В-третьих, на протестной волне оппозиция сразу упустила самый верный — а возможно, и единственный — шанс одержать победу на президентских выборах весной 2012 года. Вместо бесцветного Миронова как бы оппозиционной «Справедливой России» следовало выдвигать в кандидаты Оксану Дмитриеву.

Вкус к политической борьбе потерян безвозвратно. Какое-то полное обессоливание.

А могло быть: женщина — кандидат в президенты! Впервые!! Новое лицо среди надоевших вечных кандидатов. Такая интрига с непредсказуемым результатом!!!

Кроме того, отметим, женщина умная и независимая. Да за неё, как минимум, отдал бы голоса весь слабый пол России, тем более — при хорошей избирательной кампании. По факту. И здесь — осталось бы только все великорусские участки облепить надёжными наблюдателями. А за счёт одной Чечни и Мордовии всероссийским президентом не станешь. И конец «тандему». Что там стало бы дальше, Бог весть, но изменения и очертания власти, на наш взгляд, могли принять необратимый характер.

Оговорюсь: никакой симпатии к «левым эсерам» у автора нет.

Но Дмитриева в качестве кандидата — это был объективный и *единственный* шанс разномастной, и, по сути своей, довольно *левой* оппозиционной коалиции.

Впрочем, вполне возможно, что именно **поэтому** «левые эсеры» Оксану Генриховну и **не выдвинули**. А выставили взамен сильной и самостоятельной фигуры декоративного Миронова.

Кто там ещё в лукошке из новичков?

Миллиардер Прохоров.

Это шаг бессмысленный.

Здесь не Техас, чтобы играть в Росса Перо. У нас кактусов не хватает. Прохоров заявляет: «Я сам заработал столько денег!» Но в России не любят людей, которые зарабатывают **столько** денег. Тем более **сами**. Перо вот говорил во время своей избирательной кампании: «Да я вам тоже столько заработаю!»

А в идеале надо бы: «Я научу вас, как столько заработать собственным трудом!»

А если серьёзно, то миллиардер с имиджем любителя куршевельской клубнички не может победить в нищей и разорённой России, бесконечно далёкой от ожиревших мегаполисов. Другое дело: простой ленинградский экономист Дмитриева в образе человека из народа, получившего высшее образование в культурной столице.

Оппозиции теперь надо что-то делать.

За кого-то бороться.

Но она не знает — что и за кого.

Возбуждённый Лимонов смешон. Немцов прочно ассоциируется с ельцинскими 1990-ми и призывом голосовать за Путина. Еще остаётся, правда, блогер Навальный, сидевший на «сутках» за сопротивление «нашим друзьям» из вспомогательной полиции. Но у него есть лишь светлый образ, а время срока регистрации кандидатов в президенты стремительно уходит.

И поэтому оппозиция чувствует неуверенность. Не в силах. А в будущем. Такая у нас смешная недо-революционная ситуация: «верхи» хотят, но не могут, а «низы» — и не хотят, и не могут.

И вот здесь наступает опасность безвкусицы.

Соль теряет силу.

Пропадает — да и была ли она за последние 20 лет? — способность **различать духов**. И вот здесь о чём речь.

Что объединило таких разных людей после 4 декабря?

Чувство попранного достоинства, унижения и протеста против бессовестности, с которой власть занималась своими махинациями, да ещё изображая невинность на лице. «Мы обо всём договорились».

Вот и договаривайтесь дальше, но не в нашей стране.

По-человечески понятно.

Тут из Чехова вспоминается: «Чего же ты хочешь, сапожник?»

Ответ: «Ну, честных выборов».

Прекрасно. Получите и распишитесь.

«Единая Россия» разлагается и расплывается на молекулы, комиссии под контролем, кроме Кавказа, выборы **честные**. И на выборах — **побеждают коммунисты**. Не то, чтобы совсем-совсем, но получают 30–35% в Думе. Да к ним ещё и бывшие «единороссийцы» побегут, подостававшие партбилеты из карманов (хранят ведь, хранят).

Возражают: да, компартия сейчас не та, Зюганов за кооперацию, многоукладную экономику и даже

(о, ужас!) трудовую частную собственность. За НЭП, одним словом. Но мы-то помним, чем НЭП кончился, когда большевики в 1927 году поняли, что их вот-вот снесут. Сначала хлеб отбирали силой, потом — коллективизация. Опять возражают: да нынешние коммунисты не те, они ненастоящие. То ли кукольные, то ли гипсовые. А вот замечательный поэт и член НТС Александр Галич писал: «*Им бы, гипсовым, человечины — они вновь обретут величие*».

А чего ещё хочется?

Социальной справедливости при распределении колбасы.

А не тысячи способов, которыми можно научиться на неё, родную, зарабатывать.

Социалисты из «Новой газеты» проливают крокодиловы слёзы по томящемуся в застенках режима «узнику совести» из Авангарда красной молодёжи Сергею Удальцову. Наш современный Че! А дайте этому «Че» пятьсот хунвейбинов, необходимые условия, и он во имя великой социальной идеи развесит по городу гирлянды из сотруddников буржуазных газет.

Знаете, в чём разница между митингами на Пионерской площади в Петербурге в 1989–1990 годах и последним, состоявшимся 10 декабря?

На закате советской власти над митингующими реяли трёхцветные флаги. В минувшую субботу флаги реяли всякие, но не в стягах дело. Бывший депутат Думы Юлий Рыбаков, старый правозащитник и политзаключённый, сидевший при Брежневе за борьбу с режимом, начал с трибуны обличать коммунистов и национал-большевиков — точно так же, как это он делал все предшествующие десятилетия.

И в ответ раздался дикий вопль протеста оппозиционной молодёжи!

Власть свалят, её часы уже отбили.

Но не придут ли ей на смену люди, лишённые вкуса?

Очень «средний класс», который знает, что в Советском Союзе люди снимали хорошее кино, победили фашистов и первыми полетели в космос.

И какой зигзаг сделает история дальше?.

Александр Серёгин

Уроки Декабря

ЗАМЕЧАНИЯ «ИЗБИРАТЕЛЯ» О МЕТАМОРФОЗАХ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

В 1920–1930-х годах в Европе представители русской эмиграции вели ожесточённые споры по проблематике революций в России начала XX века, причинах и следствиях общенациональной Февральской революции и октябрьского переворота большевиков. Существенное место в дискуссии занимали проблемы парламентаризма в европейском варианте и с российской (думской) дореволюционной спецификой, активно обсуждалась роль Государственной Думы в условиях предреволюционного кризиса 1915–1916 годов и в революции 1917 года.

К счастью для последующих поколений историков, оппоненты из эмигрантов «первой волны» понимали европейский «парламентаризм» одинаково, как создание законодательного органа власти на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов (четырёххвостка). В связи с этим представители различных партийно-политических направлений пришли, зачастую независимо друг от друга, к единому мнению, что дореволюционные Государственные думы, созданные Манифестом 17 октября 1905 года, в буквальном смысле парламентами не являлись, став

лишь первой ступенью парламентаризма. Политические противники также одинаково оценили отношение к идее парламентаризма большевистских вождей, приклеивших к ней бранный, с их точки зрения, эпитет «буржуазный» и превративших народное волеизъявление в подневольное выражение «классовой» солидарности с изъятием избирательных прав у «лишенцев» из бывших «эксплуататоров», которых в РСФСР набралось подозрительно много. Большевистская теория и практика, безусловно, отрицала парламентаризм как реальное политическое волеизъявление нации.

Однако в качественных оценках европейского парламентаризма и думской практики в среде эмиграции наметились существенные разногласия. Они касались оценки роли Думы в предреволюционных и революционных событиях и проблемы необходимости применения принципов европейского парламентаризма в будущей небольшевистской России.

Часть либералов, ведомых П. Н. Милюковым, социалисты из числа противников большевиков (меньшевики и эсеры) в целом положительно оценили работу Государственной думы и избранного по четырёххвостке в конце 1917 года Учредительного собрания. Консенсус стал в дальнейшем основой для создания эмигрантской демократической «Новой тактики» П. Н. Милюкова, направленной на антибольшевистский альянс части либеральных и социалистических сил. Позиция П. Н. Милюкова, бесспорно, вызвала большое уважение, однако в свете современных реалий не даёт почвы для дискуссии, ибо обладает «западной» направленностью, которую нынешние власти России издевательски называют «гнилой» (по мнению представителя РФ при НАТО Дмитрия Рогозина, «НАТО загнивает под нашим (т. е. российским — А. С.) руководством»).

В свете стремления современных российских правителей выхолостить и искоренить идею парламентаризма значительно актуальнее выглядит попытка анализа идей противников парламентаризма из лагеря, противостоящего большевикам, — монархистов, части националистов и «кающихся либералов» [1], т. к. нынешние власти страны согласны с большевиками по сути их оценок парламентаризма, но открыто перед лицом демократического мирового сообщества признать этого не могут. Это толкает их на путь сознательного или бессознательного копирования небольшевистских критиков.

В оценках деятельности Государственной думы дореволюционного созыва большая часть монархических деятелей была единодушна — именно она дала толчок революционным событиям Февраля 1917 года. Их не могла устроить даже умеренная третьей-июньская политическая система, силой проташенная П. А. Столыпиным в 1907 году в обход законодательства и отдававшая формирование Думы через коллегию выборщиков на откуп дворянскому сословию. В политическом эссе «Войны тёмных сил» (первое издание — Берлин, 1928 год) один из бывших лидеров дореволюционного «Союза Русского Народа» (СРН),

депутат III и IV Государственной думы, ставший в эмиграции председателем Высшего Монархического Совета (ВМС) в Берлине, Н. Е. Марков однозначно оценил российский аналог парламента как центр подготовки революции: «С осени 1907 года открылась третья Государственная Дума, и с этого времени надо считать начало конституционного периода, окончательно подготовившего февральскую революцию 1917 года и последующее крушение Российской Империи» [2]. В более ранней статье 1921 года, посвящённой судьбе Учредительного собрания, разогнанного большевиками в январе 1918 года, он фактически солидаризировался с ними, подвергнув критике ненавистную монархистами четырёххвостку: «Это выборная система, которая совершенно не считается с качеством, а лишь с количеством избирателей» [3].

Нелюбимый монархистами парламент был с лёгкостью отнесён ими в бюрократическое и ненужное государству «средостение» [4]. С другой стороны, не желая прослыть в глазах европейского общественного мнения дремучими реакционерами, лидеры монархизма вынуждены были делать реверансы в сторону народного представительства. Однако они были столь неопределёнными и туманными, что допускали абсолютно любое толкование. Так, в постановлении Рейхенгалльского Съезда монархистов в 1921 году отмечалось: «... залог благоденствия, силы и самобытности России заключается в действенном единении Царя со своим народом в лице избранников широких слоёв населения для участия в великом деле устройства государственной жизни Российской Империи» [5]. Пояснение лидера «конституционного» меньшинства на Съезде, бывшего кадета и эмигрантского «кающегося либерала» Е. А. Ефимовского ещё более затуманило представленную формулировку: «Съезд не связал монархию ни с одной из форм конституционного права. И совершенно правильно. В реальной обстановке парламентаристы могут оказаться сторонниками временного самодержавия, а абсолютисты добиваться желательной им формы правления через парламентаризм» [6].

В лагере противников ВМС — легитимистов (сторонников претендента на престол великого князя Кирилла Владимировича) к идее парламентской демократии преобладало столь же негативное отношение. Однако действовали легитимисты тоньше, с учётом опыта тоталитарного режима в СССР и складывающихся в 1920–1930-е годы авторитарных режимов Европы. Легитимистов, безусловно, привлекла политическая практика СССР по превращению Советов всех уровней в послушное орудие коммунистической партии, и это при внешнем соблюдении выборной процедуры. Молчаливое народное «представительство» — идеал диктаторской власти.

Среди легитимистских организаций находились и такие, которые стремились к прямому восстановлению царского абсолютизма. Так, поэт-монархист С. С. Бехтеев (псевдоним — «Поручик С. Кошара») возглавил в Королевстве сербов, хорватов и словен-

цев организацию «Железный союз Долга и Чести», в программных документах которой отмечал: «Избирательное право мы должны осудить навсегда» [7]. Однако центральные руководящие органы легитимистов, внутренне соглашаясь с подобными пассажами, предпочитали всё же маскировать их за псевдопредставительными структурами.

Вопросами разработки проектов будущего политического устройства России у легитимистов занималось чиновно-бюрократическое «Государево Совещение», которое отклонило идею узкой реставрации дореволюционных порядков, но в то же время отрицало и европейские схемы развития: «...в грядущем государственном строительстве не может быть места узко-консервативным стремлениям..., отпадает мысль об абсолютизме и парламентаризме в западно-европейских формах...

Если абсолютизм не допускает внутренней политической борьбы, то парламентаризм только на ней и зиждется..., наш русский опыт не даёт более утешительных наблюдений, ибо Государственная Дума ...обнаружила, что самодовлеющее выборное учреждение устремляется к противопоставлению себя Верховной Власти...» [8]. При этом члены «Совещания» совершили революционный для монархистов политический прорыв: «Особое Присутствие склоняется к заключению о желательности попытки использовать советскую систему...» [9]

В молодежном легитимистском движении младороссов («Молодая Россия»), руководимом А. Л. Казем-Бекем, наработки поколения «отцов» в конце 1920-х годов трансформировались в лозунг «Царь и Совет». В данной схеме монарх брал бы в готовом виде приученную большевиками к конформизму систему классово-представительной власти. В вопросе о роли Советов (формировались на базе профессиональных корпораций) в государстве младороссы противостояли эмигрантским социалистам (эсерам и меньшевикам), которые признавали за ними политические функции, выдвигая со времён Кронштадтского восстания 1921 года лозунг «Советы без коммунистов». Функции Советов младороссы явно рассматривали в аполитичном духе корпоративного итало-фашизма: «Одной из основных задач обновлённого Русского государства младороссы усматривают в защите труда от эксплуатации и в обеспечении его для трудящихся, что должно быть достигнуто всемерной поддержкой профессионального движения в корпорации всех так или иначе работающих в данной отрасли, отрицая, однако, за этими корпорациями право на партийно-политическую окраску» [10].

Руководители легитимистов рассмотрели сотни эмигрантских проектов реставрации монархической власти, они не стремились явно цензурировать взгляды многочисленных политиков-графоманов, однако неприемлемые для себя идеи они определяли чётко: «...на эмиграцию падает задача накопления и выяснения различных вопросов идеологического характера и самоподготовка к работе восстановления России в связи с новыми течениями мысли и пересмотром

установленных ранее как незыблемых идей (парламентаризм, социализм и др.)» [11]

«Избирательный» процесс в СССР не нуждается в дополнительных комментариях, однако его абсурдность к концу 1980-х годов стала очевидной как для части наиболее грамотного партийного руководства во главе с М. С. Горбачёвым, так и не искущённому в политике рядовому советскому избирателю. Начался медленный путь движения к принципам классического парламентаризма.

В процессе организации парламентарно-избирательного процесса с конца 1980-х годов до современного момента представляется возможным выделить несколько этапов.

1. С 1988 по 1993 год — период перехода к классическому парламентаризму. Он начался с выборов делегатов на альтернативной основе на XVIII партконференцию, прошел через бурные Съезды Советов СССР и РСФСР (депутаты избирались частично по парламентарной схеме от округов, частично от псевдообщественных организаций, наподобие КПСС), распад СССР, роспуск Верховного Совета РСФСР и принятие Конституции 1993 года, обеспечившей законодательную возможность проведения выборов по классической европейской схеме. Это был период борьбы идей, за каждым депутатом, партией, организацией стояла идеология (коммунистическая или многочисленные варианты антикоммунистической). Это был шанс на переход России к политической Цивилизации.

2. С 1993 по 2000 год — период политического театра, перформанса, балагана. Испугавшись результатов думских выборов 1993 года, политическая элита консолидировалась на платформе сворачивания парламентаризма. Появление ярких харизматичных фигур партийных и непартийных лидеров (Жириновский, Лебедь, Рогозин) затемняло отсутствие у них чёткой политической программы, пришло время политических обещаний, но **за этими обещаниями всё же просматривалась идеология.**

3. С 2000 года по настоящий момент — период превращения театра в политическую инсталляцию с замершими политическими манекенами и мерно звучащей фонограммой. Произошла кристаллизация авторитарного режима (ложной демократии) в его классических чертах — ложная многопартийность, ложное представительство, в котором всё больше просматриваются элементы законсовещательности. Зачастую звучат абсолютно дикие политические пассажи наподобие заявления спикера Государственной Думы Бориса Грызлова о том, что парламент — не место для дискуссий, а место принятия законов. К функции парламента нынешние власти не могут отнести даже защиту корпоративных прав трудящихся, как то предлагали младороссы. Защищая интересы олигархии, руководители страны не могут допустить перевода борьбы за права трудового населения даже на псевдопарламентский уровень с публичной трибуной.

Нынешним властям России приходится нелегко. Будучи плотью от плоти коммунистов брежневской формации, они вынуждены отказываться от привыч-

ной с молодости риторики. Это толкает их к наиболее реакционным дореволюционным и эмигрантским идеологиям борьбы с парламентаризмом.

Сейчас принято пенять на «качество» избирателя — его упрекают в необразованности и даже бедности. Это, безусловно, является избирательным мотивом многих наших сограждан. Однако открытым остаётся вопрос, кто же отвечает за бедность и необразованность избирателя?

По примеру эмигрантских монархистов нынешние власти России вольно жонглируют терминами, сознательно искажают и загуманивают их смысл, демократия превращается в «суверенную», чем и объясняется новый стиль предвыборного процесса. Наши «оппозиционные» и правящие политики, стремящиеся в Думу, заменили предвыборные обещания предвыборным сговором с действующей исполнительной властью. От обещаний они перешли к слоганам и зрительным символам — «Великая Россия» (В. В. Путин), «ЛДПР за русских» (Жириновский), коммунисты по традиции достают из нафталина портреты Сталина. В следующую избирательную кампанию они, вероятно, перейдут на телеграфный стиль, язык мимики и жестов.

Парламентские выборы 4 декабря 2011 года показали, что с благословения властей в Государственную Думу VI созыва прошли партии «советского реванша», что на фоне позорной истерии по поводу двадцатилетия распада СССР выглядит крайне неприглядно. С другой стороны, общественная реакция на результаты выборов — митинги объединённой оппозиции — показали, что современное российское общественное сознание постепенно поворачивается в сторону идей западноевропейского парламентаризма. Граждане

адекватно и протестно среагировали на возможные нарушения избирательной процедуры. Это показало, что общество значительно более зрело, чем предполагали многие российские политики. В преддверии президентских выборов хочется верить, что общество не снизит гражданской активности и обеспечит контроль за честностью и законностью выборного процесса.

1. Термин «кающиеся либералы» для обозначения дореволюционных политиков из либерального лагеря, перешедших в эмиграцию на позиции критики своих прежних взглядов, удачно ввёл в конце 1970-х годов советский исследователь Г. З. Иоффе. См.: Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. — М., 1977. С. 70.
2. Марков Н. Е. Войны тёмных сил. Статьи. 1921–1937. — М., 2002. С. 152.
3. Там же. С. 374.
4. Средостение — термин монархистов, обозначающий чиновную бюрократию, интеллигенцию и выборных представителей всех уровней, которые ограничивают прямое общение царя с народом, тем самым мешая доступу народного мнения к царю и создавая революционную ситуацию.
5. ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 331.
6. ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 328.
7. Поручик С. Кошара. Доклад по организации Железного Союза Долга и Чести. Июнь 1926 г. ГА РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 4. Л. 344.
8. Выписка из журнала особого присутствия в г. Ницце Совещания по вопросам устройства Императорской России. Заседание 28 января 1925 г. под председательством ЕИВ великого князя Андрея Владимировича. ГА РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 5. Л. 173.
9. Там же.
10. От Союза Младороссов. Берлинский очаг. 1930 г. ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 44. Л. 298.
11. Сводка основных положений Русского Легитимно-Монархического Союза о тактике пропаганды. 1 мая 1924 г. ГА РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 11. Л. 133.

Григорий Амнуэль

Кино и площадь

Прошло то, что власть попыталась назвать выборами. И народ, сделав свой выбор, вышел на улицу. Как ни странно, на фоне полной деградации кинопроката отечественных фильмов, признанной даже главным другом кинематографистов (хотя конечно не совсем всех, а как всегда — только избранных), можно констатировать: кино тоже вышло или пытается выйти на улицу. Ещё точнее — делает робкую попытку. Причём и на этот раз, в полном согласии с точкой зрения Кремля, опасность пришла из-за рубежа. На экраны Москвы, а возможно, и всей России пробрались, прокрались, ВЫШЛИ — два фильма «полузаграничных» режиссёров.

Александр Туши (гражданин Германии), чьи родители несколько лет назад осознали, что так дальше жить нельзя, и уехали из России, представил свой нашумевший на Берлинском кинофестивале фильм со страшным для власти названием «Ходорковский». Известный советский режиссёр, кинодокументалист и педагог Марина Голдовская, по тем же понятным при-

чинам в основном живущая за океаном, представила свою новую работу «Горький вкус свободы» — фильм об Анне Политковской. Обе ленты получили разрешительные удостоверения для проката в РФ и вышли на экранах страны, хоть и не массовым тиражом.

«Ходорковский» — то, что в Ханты-Мансийске у молодого немецкого парня, не очень хорошо говорящего по-русски, видимо, в состоянии опьянения красотах Русского Севера, большими деньгами, которые в то время в нефтегазовом краю были видны невооружённым глазом, и вопросами, которые у нас уже было не всем «модно» задавать, возникла идея фильма о МБХ — это нормально. Западный подход — если есть проблема или интересный вопрос, то из него можно и нужно пытаться сделать кино. То, что таких возможностей и желаний не возникает у россиян, — другой разговор. (К слову, моя заявка на фильм о судьбе МБХ лежит не менее пяти лет без движения, а фильм «Реквием» В. Герчикова так и не нашёл своего прокатчика в РФ.) Всем страшно, у всех самоцензура — главный

цензор современной России. Как говорил в начале своего фильма «Люди с той стороны» Р.Н. Редлих: «Не та фамилия, с ней в России жить нельзя!» К счастью, пока всё-таки что-то можно. А. Туши вместе со своими помощниками и коллегами колесит по России. Добирается до Краснокаменска и даже берёт очень важное интервью у Михаила Борисовича, стоящего в стеклянной клетке Басманного суда. Конечно, материала не хватает, и, руководствуясь современным визуальным рядом (а Александр — человек молодой, художник XXI века), дополняет документальный материал компьютерной графикой, но всё это талантливо и уместно. Однако, даже будучи по месту рождения россиянином, не живя здесь и не чувствуя ежедневно, чем дышат страна и народ, снимать фильм о России очень и очень тяжело. Вот и появляются заснеженные поля и златоглавые монастыри в окружении нефтяных качалок. При всём этом удалось автору показать главное. Ходорковский и Путин — антиподы. Хотя оба выросли из неноменклатурной среды советского общества и для обоих отдельные социалистические заблуждения остаются и сегодня важными, подход к решению проблем у них различный. Один сравнительно быстро понял, что деньги — это всего лишь материал для больших свершений, другой уверовал в то, что деньги — это главный механизм. Один, правда, только начал путь к ментальному и моральному обновлению человека, и себя в том числе, другой уверен: советские фильмы и советская «школа» воспитали его правильно, и такими должны быть все. Подчиняться и следовать к светлему будущему, указываемому сильной рукой вождя. Один пытался стать человеком, другой пытается стать богом.

И ещё очень важное, но это для наблюдательного, пытливого зрителя. Живёт в благоустроенном посёлке на Рублёвском шоссе бывший генерал КГБ, бывший депутат Государственной Думы от КПРФ А. Кандауров, отвечавший за безопасность в ЮКОСЕ, и скромно стоит в его гараже автомашина с номером Е-383 РЕ — спецсерия для депутатов — «Единая Россия — едет». Кормит своего любимого бегемота, правда, морковкой, а не авокадо, А. Осовцов, один из бывших руководителей «Открытой России». По-прежнему работает в пяти минутах от Кремля дочь министра экономики правительства Е. Гайдара — И. Ясина, бывший руководитель «Открытой России». И они рассуждают, прав или не прав был МБХ, не бросив страну. Бывшие «сильные люди» из «ближнего круга» в Лондоне, Тель-Авиве и других мировых городах критикуют, объясняют. Но если не считать истеричного крика одного сорвавшегося «менеджера», вполне благополучно и умиротворённо. Спокойно объявляет о том, что камера приличная, верный адвокат А. Дрель — всё живёт, и довольно неплохо. Даже сын Михаила Борисовича на нью-йоркских просторах рассуждает о правильности социалистического подхода и левом повороте, а Ходорковский и Лебедев продолжают сидеть, и конца этому пути не видно. Вот такое правдивое кино о, наверное, самой безысходной истории России нулевых. И лишь печальный, усталый взгляд

мамы — которая устала видеть сына только в клетке, возможно, должен пробуждать совесть и человеческие чувства, но это, увы, вряд ли, хотя время покажет — ведь фильм будут смотреть...

Фильм об Анне Политковской — совсем другой, и выпускающий его в прокат «Крупный план» С. Клебанова презентует его тоже совсем по-иному. Без скандала, без шума, но делая профессионально очень важное дело. Компания продолжает стиль работы и Анны, и Марины Голдовской — спокойный, интеллигентный, всё понимающий. В фильме «Горький вкус свободы» нет подвига, в нём есть жизнь. В нём никто не судит, кроме Путина: «...Вы же понимаете, что журналистка Политковская имела очень ограниченное влияние на нашу жизнь и своей смертью принесла больше вреда...»

Марина Голдовская — настоящий режиссёр, ей удалось даже маленькое чудо — снимая М. Горбачёва, она, на мой взгляд, первая хоть на секунду поймала миг, когда говорил человек, а не Президент. Увы, но то, что удалось с Горбачёвым, не удалось со многими коллегами по журналистскому цеху — её величество самоцензура и желание держать в узде удачу не позволяют говорить честно. Фильм М. Голдовской скромный и честный, и, видимо, именно поэтому он без всяких внешних эффектов достигает результата, — когда зажигается свет, люди в зале сидят молча и думают. О какой ещё лучшей оценке может мечтать автор фильма?

Вот такое кино сопровождает москвичей и россиян. Возможно, эти фильмы помогут нам что-то осознать и понять в жизни страны, в нашей, в своей жизни. Уверен, об этом думали оба режиссёра. Так что мой совет — сходите в кино и посмотрите их сами. Уверен, скучно не будет.

P.S.: *Когда статья уже была закончена, пришло важное сообщение: депутат и кинорежиссёр С. Говорухин стал начальником штаба по избранию В. Путина.*

Итак, кино является важнейшим... Скоро 100 лет крылатой фразе, но Кремль продолжает ориентироваться на неё. Доказательством служат действия звёздного, «проблесково-маячкового» рублёвско-поволжского барина Михалкова (был когда-то такой очень неплохой режиссёр). И многих других придворных окултуренных деятелей. Отлично это доказывает и неустанная деятельность народного избранника, «единоросса», подписанта против ЮКОСа, соперника В. Шендеровича по Университетскому избирательному округу, депутата ГД ФС РФ, который своей законодательной и общественной деятельностью реализовал шесть собственных сценариев больших художественных фильмов (разумеется, за государственный счёт и без отрыва от основной политической деятельности) Станислава Говорухина. Кремль разыгрывает «КИНО»! Вождь встречается регулярно с кинематографистами, обласкивает, вспоминает даже мэтров Норштейна и Бардина (интересно, фильмы их он видел?), в президенты его выдвигает кинорежиссёр, и он же логично становится начштаба.

Великолепно разыгранный сценарий. Главный канал и самый богатый продюсер отечественного кино К. Эрнст выпускает совсем случайно сейчас, не дожидаясь дня рождения и памяти (25 января), фильм «Высоцкий». Все улицы городов завешаны плакатами с лицом, безусловно, самого любимого в народе барда, который своею жизнью и смертью символизирует свободу. Его самая популярная роль — Жеглов (режиссёр С. Говорухин). Невзначай вспомните — работает как 6-й кадр — он был бы за Путина! Вы в это верите?! Но Вам это навязывают! Вас убеждают — они, выходцы из КГБ, гаранты процветания и свободы. Вы и в это готовы поверить?! Посмотрите, какой

чудесный грим в фильме «Высоцкий» — настоящий американский, не хуже зелёных человечков из «Аватара», — ну, если мы можем это в кино, что нам стоит сделать это в жизни! Верите — тогда не стоит ходить на площади, не стоит переживать, за вас всё решили. Купите себе попкорн или поллитровочку — и вперёд, к счастливой жизни. Да, пожалуйста, не вспоминайте старое «С кем вы, мастера культуры?» ...Культуры ли? Вам, зритель, житель, гражданин, решать, какое кино смотреть, и в какое верить, и, главное, как жить. Ведь было такое кино, «Так жить нельзя», — правда, автор от него отрёкся! — а что зритель? Это история, конец которой мы наблюдаем.

Борис Пушкарев

Уровень жизни на постсоветском пространстве

ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Крушение советского социализма и переход к рынку в Восточной Европе и СССР стали самым главным событием в мировой экономике конца XX века. Переход этот был непростым, и его пути по сей день вызывают резкие споры: надо, мол, было не так, а этак. Позиция НТС была — болезненную операцию без наркоза надо делать как можно быстрее. Так или с задержками, переход состоялся, и к началу нового века можно было рассматривать результаты. Что мы сделали в «Посеве» № 9 за 2003 год, а потом в книге «Две России XX века», страницы с 529-й по 536-ю.

Вопреки основанным на советской статистике официальным цифрам, утверждавшим, что переходный спад экономики в Российской Федерации длился до 2000 года, мы показали, что рост выше советского уровня начался уже в 1995 году и с тех пор был непрерывным. Но мы также увидели, что за пределами РФ картина была иной. Три прибалтийских республики быстро вспомнили свое досоветское прошлое, восстановили рынок и стали расти. Но в большинстве остальных республик бывшего СССР реформы шли медленно и непоследовательно, и подъём выше советского уровня действительно задержался на десяток лет.

С тех пор прошел ещё один десяток лет, и встаёт вопрос — а как обстоят дела теперь? За истёкшее

время влияние советских исходных данных стерлось, и нет нужды строить собственную модель дохода на душу населения, как мы делали тогда. Можно полагаться на данные таких ведомств, как Всемирный банк или Международный Валютный Фонд (МВФ). Мы берём за основу данные МВФ по валовому внутреннему продукту на душу населения в долларах 2010 г., пересчитанных по их покупательной способности в каждой стране. Паритет покупательной способности (ппс) — величина условная: она зависит от «корзины товаров», по которой её вычисляют. Но, хотя оценки разных ведомств разнятся, она даёт более реальную картину того, что человек за эквивалент доллара может купить, чем обменный курс, по которому ему выдадут доллары в банке. Доллар же используется просто как общий знаменатель для сравнения стран с разными денежными единицами.

Итак, в первом столбце приведённой ниже таблицы мы даём основной показатель уровня жизни — душевой доход в долларах ппс на 2010 год. Второй столбец показывает, на сколько процентов этот доход — в твёрдых ценах — вырос за прошлое десятилетие. Третий столбец указывает ранг, который данная страна занимала в 2000 г. в списке 180 стран, по которым МВФ ведёт учёт, а четвёртый — то же на 2010 год.

Доход на душу населения в бывших советских республиках

1. ВВП на душу в 2010 г. в \$\$ по ппс
2. Рост ВВП на душу в твёрдых ценах, 2000–2010, в%
3. Ранг страны среди 180 стран в 2000 г.
4. То же в 2010 г.

Эстония	18 527	57,6 %	52	48
Литва	17 235	74,9 %	61	51
Российская Федерация	15 612	74,5 %	68	54
Латвия	14 504	59,3 %	67	56
Беларусь	13 874	143,5 %	87	64

Казахстан	12 015	119,8 %	91	73
Азербайджан	10 062	295,0 %	120	82
Туркменистан	6 805	227,6 %	127	102
Украина	6 698	73,9 %	109	103
Армения	5 100	131,9 %	126	114
Грузия	5 074	98,2 %	123	115
Молдова	3 092	80,2 %	137	131
Узбекистан	3 048	85,8 %	141	132
Кыргызстан	2 200	35,2 %	142	143
Таджикистан	1 923	88,6 %	158	148

Источник: База данных Международного Валютного Фонда на сентябрь 2011

Мы видим, что прибалтийские республики Эстония и Литва сохранили своё ведущее место. Их доход на душу — порядка 18 тыс. долл. ппс — подобен доходу в таких бывших соцстранах, как Польша и Хорватия. Однако Латвия из тройки лидеров выпала и ушла на четвёртое место, третье место теперь заняла Российская Федерация.

Реальный доход на душу в Российской Федерации вырос на 74,5% за десятилетие и в 2010 г. достиг 15,6 тыс. долл. ппс, или, если сравнивать с другими странами, поднялся с уровня Бразилии до уровня Аргентины. Причем в 2008 году уже был достигнут уровень в 16 тыс. долл. ппс, а некоторый спад с тех пор вызван мировым финансовым кризисом 2009 г. Несмотря на это, по рангу в числе 180 стран Российская Федерация поднялась с 68-го места на 54-е. Если рост будет идти такими темпами еще 10 лет, РФ достигнет уже вполне среднеевропейского уровня в 25 тыс. долл. ппс, характерного сегодня для Чехии.

Прежде чем идти по таблице дальше, предвижу возражение читателя: какие 15 тыс. долларов на душу в год? Ведь это значит на каждого старика и ребёнка по 450 тыс. рублей — да я таких денег в жизни не видел! В том-то и дело, что не значит. По паритету покупательной способности (ппс) доллар теперь равен примерно 13 рублям, а не 30. Потому что и многие продукты, а особенно жилищные услуги, энергия, транспорт, у нас всё ещё намного дешевле, чем в Америке и других богатых странах.

Уточнив этот вопрос, вернёмся к таблице. За Российской Федерацией следуют две республики, намеренные строить вместе с ней Евразийский экономический союз: Беларусь и Казахстан. Обе росли догоняющими Российскую Федерацию темпами и более чем удвоили свой душевой доход за десятилетие. Их ранг в международном списке повысился приблизительно на 20 мест. Как пример подобных им по благосостоянию стран за рубежом можно привести Турцию и Венесуэлу.

Наибольший рывок вперёд совершили, если верить данным МВФ, две нефтегазовые республики: Азербайджан и Туркмения. Их доход вырос за десятилетие более чем на 200%, в основном за счёт повышения добычи углеводородов.

И только за ними, на девятом месте среди бывших советских республик, следует Украина. Ее душевой доход МВФ оценивает, округлённо, в 6 700 долл. ппс, что примерно соответствует жизненному уровню Ал-

жира. Ее рост, в процентах за десятилетие, был не намного ниже, чем в РФ, но её исходный уровень из-за потерянного десятилетия 90-х годов составлял менее половины российского, и это отставание сохраняется.

На уровне чуть ниже Украины стоят Армения и Грузия, причём первая развивалась более успешно и обогнала вторую по рангу. Что интересно, поскольку природа наделила Грузию более щедро, чем Армению. Душевым доходом около 5 000 долл. ппс завершается, условно говоря, список стран среднего достатка и следуют страны определённо бедные.

В нашем случае это, прежде всего, Молдавия — с доходом немного более 3 тыс. долл. ппс — самая бедная страна Европы. За ней следуют три среднеазиатских республики — Узбекистан, Киргизия и Таджикистан, с доходом в пределах 3–2 тыс. долл. на душу и нынешним рангом от 131 до 148 в списке 180 стран. Это означает жизненный уровень где-то между Вьетнамом и Пакистаном.

Таким образом, в нерусских республиках бывшего СССР мы видим, прежде всего, огромный разброс уровня жизни — шестикратную разницу между Прибалтикой и Средней Азией.

Но видим мы и другое — почти каждая республика повысила свой ранг в списке стран мира, порой существенно. Это говорит о том, что наши республики развивались быстрее, чем страны мира в среднем. Единственное исключение — Киргизия, соскользнувшая со 142-го места на 143-е. Таким образом, если говорить о быстроразвивающихся странах, то в их число входит не одна Российская Федерация, а большинство бывших советских республик: налицо быстроразвивающийся евразийский регион.

Официально быстроразвивающимися странами теперь считается группа БРИК — то есть Бразилия, Россия, Индия, Китай. Их уровень дохода и рост за истекшее десятилетие даны ниже.

Бразилия	11 500	27,1%
Китай	7 500	187,8%
Индия	3 400	92,8%

Рост Бразилии не очень впечатляет, но рост дохода на душу населения в 188% за десятилетие в Китае поразителен, особенно если учесть, что душ населения там 1 миллиард 350 миллионов. Не намного меньше их в Индии — 1 миллиард 198 миллионов, но там рост душевого дохода не столь велик, как в Китае, отчасти

потому, что само население растёт быстрее: на 1,3% в год, по сравнению с 0,6% в Китае. Очевидно, что к югу от границ России растут два экономических гиганта, в которых уже сейчас живёт более одной трети человечества.

Много лет уже у нас принято ныть, что Россия становится сырьевым придатком Запада. На самом деле надо не ныть, а благодарить Бога и наших предков, начиная с Ермака Тимофеевича, за то, что есть у нас ресурсы, позволяющие выкарабкаться из ямы советского социализма. Но дальше что? Налицо куда более безотрадная перспектива — стать сырьевым придатком Китая и Индии. Чтобы её избежать, нужны, среди прочего, и два направления, которые нынче преследует власть:

— научно-техническая модернизация, начинания типа Сколково, и

— устранение таможенных и прочих барьеров для обмена в Евразийском экономическом пространстве.

Не забудем, что советские успехи в космосе основывались на достижениях российской дореволюционной науки, и будем развивать её традиции. Не забудем, что российская имперскость не была империализмом, завоеванием и подавлением, а была включением, при котором местные языки и обычаи сохранялись, а местные элиты вовлекались в элиту Империи. Сегодня речь идёт как об обновлении российской научно-технической традиции, так и о восстановлении политического единства, способного адекватно соотноситься с двумя новыми гигантами к югу от нас.

Европа за последние полвека прошла объединительный процесс, начиная с упразднения таможенных барьеров, которое далось легко, и до общей валюты, которую должен был обеспечивать единый центральный банк. Но сегодняшней долговой кризис показал, что денежной политики Центрального банка мало, что управлять надо и бюджетной политикой отдельных стран, а это уже серьёзное вмешательство в суверенитет и в права местных парламентов. Как сложится баланс между общими интересами и ревностью о местных прерогативах, мы не знаем, но за уроками Европы приходится следить в интересах нашего собственного объединения. Для которого важно, между прочим, и единое понимание общей истории.

В заключение на эту тему. Финляндия была более сотни лет автономным княжеством в составе Российской Империи и стала единственной её частью, избежавшей коммунистического эксперимента. Сегодня её доход на душу 34 900 долл. ппс, что соответствует уровню жизни в Великобритании. В Китае коммунистического эксперимента избежал остров Тайвань. Сегодня его доход на душу 35 600 долл. ппс, что соответствует уровню Германии. От этих двух реальных точек можно рисовать картину того, каким было бы наше возможное, но несбывшееся прошлое. И какова величина экономического ущерба, причинённого решением в 1917 году бросать войну и делить землю.

Валерий Сендеров

За что боролись, или Пафос смертельного добра

*Пальнём-ка пулей в Святую Русь!
В кондовую,
в избяную,
в толстозадую...*
Александр Блок

*Вы обещали нам сады
В краю улыбочиво-далёком...*
Николай Клюев

Мы много пишем о недавнем прошлом. Но при этом почти не уделяем внимания важнейшему для нашего будущего феномену. Идеологии советских людей.

Почему вместо привычного «советская идеология» мы употребили несколько необычное словосочетание? Советской идеологией обычно называют стандартную, намалёванную на партийных плакатах абракадабру. Премудрость эта, слава богу, интересна сегодня лишь фольклористам. Подлинная же идеология — предмет неподдельной веры миллионов людей — никуда не исчезла. Она лишь мутировала, трансформировалась в зловещее явление неосталинизма.

Идеология тоталитарных масс редко совпадает с примитивным и негибким «плакатным» официозом

государства. Но она всегда прочно связана с ним. Иногда она человечнее, гуманнее провозглашаемых тоталитаризмом целей. Но чаще — более зловеща и чудовищна, чем он. Официоз всегда многим ограничен и связан: внешним окружением, личным традиционным воспитанием части лидеров режима. У массового же сознания подобных ограничителей нет.

Эти простые истины верны всегда; они выступают ясно даже в столь карикатурном случае, как размягчённый брежневско-горбачёвский тоталитаризм. Над сиськи-масиським движением к вершинам хохотала вся страна. Но и лучшие её умы свято веровали, что мир делится на кап- и соцлагеря. «Кап-» — это американцы, шведы, израильтяне и прочие буржуи.

А «соц-» — это, разумеется, прежде всего мы сами. У коих — т. е. у нас, у СССР — небывалые социальные достижения, впервые в истории — справедливая оплата труда. Но несколько нарушаются права человека. И нужно просить наше правительство отдельные недостатки устранить.

Кто вспомнил, на что я только что раскавыченно сослался, — тот уже догадался, почему мне не хочется делать прямую ссылку...

Вера в передовитость СССР несокрушимо жила за завесой трезвого осознания окружающего мира. В сокровенном же слое сознания гнездилась тоска. Скорбь по утраченному совершенству. Когда никто ещё не смел кощунственно подхихикивать, а гармонию нашей жизни не смели нарушать вопли купленных ЦРУ «борцов за права». И междуцарствие в массовом сознании иронического и правозащитно-советского слоёв не могло, в первой же затяжной критической ситуации, не завершиться победой третьего слоя. Сталинистского.

Но экскурс в изучение названных проблем мы начнём не с вегетарианской брежневской поры. А с эпохи много более мрачной.

«Мы уходим в степи. Вернёмся, если будет на то воля Божия. Но нужно зажечь свечечку, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы». В первый белый поход ушли несколько тысяч человек. Состав был разнородный: гимназисты, студенты, служащие, мещане... Сколько же, таким образом, на долю офицерства пришлось? — если всё же тысячи, то очень немногие... Гораздо больше офицеров равнодушно игнорировали призывы Добровольческого движения поддержать. А ещё гораздо больше — пошли на службу к красным. Их руками, их талантами толпы неграмотных крестьян были быстро преобразованы в несокрушимую воинскую силу.

Эти офицеры служили большевикам. Может быть, не вполне за совесть. Но отнюдь не только за страх. Ссылка на красный террор, на заложничество семей феномена полностью не объясняет. Кто-то не мог выручить семью — но кто-то ведь и мог: страна у нас большая, обстоятельства в разных городах были разные. А сто тысяч человек — это, знаете ли, цифра. Представим себе, что подобную мобилизацию затеял бы, скажем, немец — то есть явный, очевидный для всех враг. Как — удалось бы?

Я застал ещё в живых некоторых служивших красным русских офицеров. Все они говорили примерно одно.

— Справедливость! Равенство! Вот во что мы верили, это было превыше всего. Конечно, мы знали, что творят комиссары. Но ведь так не могло быть долго, этот ужас на год, на два. А вот война кончится... И не будет богатых и бедных, и все будут равны.

Это была — именно вера. Она признавала здравые доводы противной стороны. Но это ничего не меняло.

— Свобода, право? Да, мы понимали, конечно: эти ценности защищают белые. Но всё это было и в старой России: свобода, право, честь. А сколько несправедливости! Сколько неравенства! Разве Россия не оста-

валась сословным государством? Да, стало легко проникнуть из слоя в слой. Но всё равно, всегда кто-то выше, другие ниже. А вот-вот, завтра... Не будет «чистой» и «простой» публики, все станут счастливы, все равны...

Всё упиралось в это понятие: справедливость. Социальная — сказали бы сегодня. И перед ним меркли — гуманность, ценность личности, право, честь...

Такой «офицерский» коммунизм мог, в принципе, со временем перерасти в обычную социал-демократию. Т. е. — в один из нормальных способов существования христианской европейской страны. Введение нэпа, начало сталинщины положили этой гипотетической возможности конец.

Какая справедливость? Какое равенство? Лютые, но чем-то и романтические вчерашние расстрельщики «учились торговать». Вскоре учителей добились — кое-что успев между делом у них перенять. Впрочем, немного: страна быстро превратилась в ошетилившийся военный лагерь, и навыки мирной жизни были в нём ни к чему. Красная Россия так и не научится производить бельё или пуговицы — зато по производству первоклассных танков быстро превзойдёт всех друзей и врагов. Советские успехи всегда охватывались простой формулой: «Всё для победы!» Что под Гитлером лишь торжественно провозглашалось — то в тысячных дозах, с железной последовательностью осуществлялось в СССР. «Пушки вместо масла...» Какой нескрываемой издёвкой прозвучал бы этот немецкий лозунг для миллионов истребляемых, перебивавшихся с лебеды на крапиву русских крестьян...

И в этих условиях коммунистическая идея — закаменела, окрепла. При этом она проявила неожиданные потенции. Присущие ей изначально, они были до времени закамуфлированы коркой наивного «завтрашнего добра».

Возьмём три программных стихотворения — три литературных манифеста двух разных эпох. Великолепная светловская «Гренада» общеизвестна. Другие два стихотворения, тоже распространённые, мы всё же для полноты изложения процитируем.

*И вот опять к границам сизым
Составы тайные ползут,
И коммунизм опять так близок,
Как в девятнадцатом году.*
Михаил Кульчицкий

*Но мы ещё дойдём до Ганга,
Но мы ещё умрём в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.*

Павел Коган

Да, это не Светлов... Но виновны в перепаде не поэты тридцатых: сменилась эпоха. В новой не было уже и не могло быть скачущей конницы, густого запаха мокрой степной травы. Зато было в ней другое. Гружённые тайные составы, с железной неуклонностью на-

ползающие на мир. Нет, эти стихи вовсе не бездарны. В них так и чувствуется угрюмая, тупая, до сих пор порабощающая сознание миллионов несокрушимая сталинская мощь.

Но оставим эстетические категории. Попробуем взглянуть рационально на многослойные, выработанные временем при посредстве поэтов тексты. Прежде всего о том, чего в них нет. Нет жаждущих земли гренадских крестьян, нет страдающих под гнётом мировых пролетариев. И не может быть: в контексте новой эпохи благотворительность смотрелась бы просто глупо. И никакой «Родины» — в сколько-нибудь нормальном значении этого слова — в этих стихах тоже нет. Если, конечно, не считать Родиной русских берега реки Ганг... Перед нами — пафос откровенной агрессии, романтика мирового захвата. В таком качестве эти стихи обычно и цитируют. Но это не вся правда. Речь идёт не о чистом империализме (да «чистый» и невозможен в столь идеологизированной, как наша, стране). Коммунизм — не пустое слово для авторов и читателей подобных стихов. Только теперь, в 1930-е, его невозможно, как в 1919-м, простодушно понимать. Хотя — повторимся — из тех корней он, конечно, и вырос.

Что же это такое — зрелый, сталинский коммунизм тридцатых годов? Какие черты прежнего коммунизма он высосал, впитал из своего недавнего прошлого?

Обратимся снова к литературным текстам: это самый верный и надёжный путь к постижению подлинной идеологии общества. Независимо от своих желаний, литература, даже самая верноподданная, расставляет акценты; и тем самым она, подчас существенно, смещает картину. Никакой цензурный и репрессивный аппарат подобные процессы отследить не в состоянии. Примеры, которые мы в силах привести на пространстве статьи, сами по себе не могут быть представительны. Читатель сам может проследить, насколько характерны эти примеры, насколько они показательны в рамках общих тенденций.

Рассмотрим ещё два поэтических текста.

*Смело мы в бой пойдём
За Русь Святую
И как один прольём
Кровь молодую.*

*Смело мы в бой пойдём
За власть Советов
И как один умрём
В борьбе за это.*

Как хорошо известно, второй текст — переделка первого. И многие другие красные песни — переделка военных или белых. Что ж, копирайта на песнях не ставят, и вообще подобная практика — естественный процесс. Нас интересует как раз обратный момент: чем эти тексты всё-таки существенно различны.

Первый из них — обычная военная песня: в сражениях всегда проливают кровь. Но кто назовёт обычным «как один умрём» второго текста? Лишь стёртость, лишь привычность этих строк мешают нам оценить их по достоинству. Что отличает этот гимн от песен Валгаллы, от пафоса гибели и уничтожения — когда герои черпают вдохновение в собственной завтрашней смерти рядом с Вотаном? «И тогда злой Фенрир проглотит Солнце, пожрёт Луну. И ничего больше не будет...»

Впрочем, пафос собственной смерти — это всё-таки экзотика, крайность. Более обыденно воспевание гибели окружающего мира.

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы сами, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.*

На небольшом пространстве здесь — две главных идеи. Разрушим «весь», разрушим «до основанья»... С этим всё ясно, вопросов нет. А вот... «затем»... Покажите же нам хоть живую чёрточку этого вождя «нового мира»! Какой он будет? «Наш»? Ну, это понятно: а то чей же? «Новый»? Ещё бы — если всё старое раздолбано в щёбенку...

Суть, конечно, не в том, что строящееся здание не описано в четырёх строках. Суть в том, что вся огромная коммунистическая литература никакого представления о нём не даёт. Было несколько графоманов, сами же большевики снисходительно окрестили их утопистами. Потом был Николай Гаврилович, по невинности своей перепутавший светлое будущее с общественным бардаком («фаланстер в борделе» — так окрестил сны Веры Павловны не сумевший сдержаться эстет Герцен). И вроде... всё? Если не считать, конечно, творчества мастера худслова Мариэтты Шагинян...

Читатель, наверно, уже понял, к чему мы ведём. Но напомним для полной ясности ещё один текст. Он принадлежит параллельной идеологии. Типологически родственной коммунизму. Но более откровенной, чем он.

*Трещат одряхлевшие кости
Земли перед боем святым!
Сомненья и страхи отбросьте!
На приступ! И мы победим!
И пусть обыватели лают!
Нам слушать их бредни смешно!
Пускай континенты пылают!
А мы победим всё равно!
Весь мир сокрушим и разрушим,
Огонь и погибель неся!
Германия наша сегодня,
А завтра — вселенная вся!*

Тут никому уже не придёт в голову спрашивать: а для чего, собственно, так уж необходимо всё крушить? Совершенно ясно: разрушение здесь — само-

довлеющий процесс. Но в то же время ясно и другое: перед нами не простое хулиганство, не безыдейный бандитизм. За подобными мелодиями стоит нечто. И, если понадобится, погромщики и убийцы отдадут за это нечто и собственную жизнь.

Так в чём же оно, в конце концов, состоит?

Для объяснения мнимого противоречия вспомним о разнице, обозначенной нами в начале этой статьи. Разнице между официальной идеологией — и идеологией тоталитарных масс. Первая по-своему высокоморальна, она живёт в преддверии завтрашнего рая. Рая не для всех, положим; но уж для правильного класса, правильной расы — наверняка. Однако... Чтоб строить, — как говаривал один литературный предтеча большевизма, — надо сперва место расчистить. И мышление масс, как показывает вся практика, только этим «сперва» и живёт. Действием первым. Расчисткой. От всех. От буржуев и плутократов. От интеллигентов и жидов. От славян, христиан...

В сущности, очищать мир нужно от всего. Весь мир разрушим — это сказано правильно и мудро. Разве не всякая жизнь не верна? Не всякая традиция, с точки зрения головной, сконструированной теории, — непростительный грех?

К разрушению, к стиранию в пыль всего живого и сводится в идеале любой тоталитаризм. Плюс

к чему-то абсолютно невятному, оно брезжит в неясном будущем перед опьянённой идеологией толпой... И слава богу, что идеал встречается в жизни не часто. Благословением небес в моральной тоталитарной системе воцаряются коррупция и воровство. Они приходят не во имя человека — но зато на благо его. Вороватость чекистов и гестаповцев многим людям спасла жизнь.

Это, кстати, прекрасно понимали вожди античеловеческих систем. Гиммлер беспощадно преследовал коррупцию. Дзержинский расстрелял своего друга за украденный на обыске носовой платок...

Но закончить статью хочется одним необщеизвестным примером.

Жил на свете один юноша. Небездарный литератор, пламенный социалист. Страстный русофил. Поклонник русской литературы, в особенности же — Достоевского. Дневник юноши — свидетель его душевных страданий: мысли об униженных и оскорблённых лишали его сна. Называли юношу подчас и большевиком. «Национал-», — уточнял он.

Потом юноша прозрел. Он понял, в чём подлинный корень всех зол, кто именно варварски угнетает народы. И стал беспощадно уничтожать иуд.

Имя этого человека — Йозеф Геббельс.

Александр Горянин

Берлускони, спаситель Италии

Сильвио Берлускони, видимо, закончил свою политическую карьеру. Его возвращение маловероятно, хотя назвать его абсолютно исключённым нельзя. Он ушёл под улюлюканье левой — и не только левой — прессы и рукоплескания «прогрессивной общественности». Многие ли в Италии (даже в Италии!) вспоминали в ноябре 2011 года, как этот человек спас свою страну, удержал её на опасной грани?

Всё началось со знаменитой операции «Чистые руки». О ней принято писать как о беспрецедентной и образцовой кампании по искоренению преступности. Эта история не так проста, как её обычно преподносят.

В 1991 году преступными группами было совершено 718 убийств и 822 похищения, 830 покушений и 886 только засвидетельствованных случаев запугивания представителей местных властей. Большинство этих преступлений оставались нераскрытыми не только потому, что среди наиболее частых жертв были прокуроры и судьи. Ещё более важной причиной безнаказанности мафии была коррупция. Почти не было обвинения, от которого человек с деньгами не мог бы откупиться. Без взяток был совершенно невозможен и бизнес.

Положение осложнялось практической несменяемостью политической власти. С 1945 по 1994 год Италией правили 32 правительства, из которых

29 возглавлялись христианскими демократами при поддержке социалистов. Правительства менялись, но у власти оставались одни и те же люди. Большинство политиков были довольны сложившимся положением — более всех, похоже, социалисты, которые не рвались к премьерской ответственности (они возглавляли правительство всего дважды), потому что им и так было хорошо: партнеры по коалиции не могли обходиться без их голосов и поэтому не скупались на должности. В результате слишком долгого пребывания у власти и те, и другие по уши погрязли в коррупции.

Всё началось 17 февраля 1992 года с ареста за небольшую взятку чиновника по имени Марио Кьеза. Проверка его банковских счетов показала: мелкий функционер располагал миллиардами лир. Выяснилось, что господин Кьеза — подставное лицо, «кошелёк» миланского отделения Социалистической партии. Бизнесмены переводили деньги на его счёт в обмен на госсказаны. По каким-то причинам Кьеза решил не молчать, а сдать всех. Вряд ли он был совсем уж первый такой, но раньше подобные правдолюбцы кончали плохо, а тут в дело Кьезы буквально вцепился вице-прокурор Милана Антонио Ди Пьетро. Он не дал замять скандал. Помогла одна итальянская особенность. Дело в том, что по конституции 1947 года магистратура (т. е. прокурорские служащие, судьи, следователи) в Италии независимы. Назначениями и увольнениями в магистратуре ведают Высший совет, большинство членов которого выбираются самой магистратурой. Надавить на него закулисно, конечно, можно, но в условиях набравшего громкость шума премьер Амато (в качестве исключения, социалист) на это не решился. Ди Пьетро, ставший «гвоздём в сапоге» для множества влиятельных людей, не был уволен и продолжал расследование. Следственным органам разрешили свободно допрашивать членов парламента — отказать в этом оказалось бы политическим самоубийством для власти.

Антикоррупционная кампания была поддержана обществом. Журналисты с восторгом прильнули к роднику сенсаций и не дали его перекрыть. Ди Пьетро говорил, что его цель — «демонтаж всей коррупционной системы».

Было арестовано 4525 человек, под следствием оказались около 20 тысяч, допрошены 251 член парламента и четверо бывших премьер-министров. Была доказана причастность к коррупции 1069 политиков всех уровней — от министров (числом 7) и депутатов до мэров и членов сельских советов, а также множества бизнесменов. Всего за решётку на многие годы отправились в общей сложности около 500 человек (в разных источниках цифры не совпадают). В их числе оказались свыше сотни представителей верхов итальянского общества (именно верхов!), многие эмигрировали. Чтобы избежать обвинений, уволилось огромное число чиновников, называют неправдоподобные величины: до 80 процентов! Десять арестованных покончили с собой, в том числе

Габриеле Кальяри, председатель ЭНИ, итальянского «Газпрома». К коррупционерам широко применяли конфискацию имущества.

В 1993 году в связях с мафией был заподозрен бывший премьер Джулио Андреотти, что положило конец его президентским амбициям. В том же году Ди Пьетро обратился за разрешением на судебное преследование ещё одного бывшего премьера, Беттино Кракси. Тот несколько месяцев прикрывался юридическим уловками, после чего бежал в Тунис, с которым Италия не имеет соглашения об экстрадиции. Его заочно приговорили к 27 годам тюрьмы, он так и умер в Тунисе.

На этом эпическая сторона «Чистых рук» заканчивается. Политические гекатомбы в рядах итальянской элиты привели к устранению наиболее весомых политических сил. Этой операцией современные историки заканчивают целую эпоху в политической жизни Италии — Первую Республику. Произошло неслыханное: перестали существовать основные политические партии страны. Итальянская социалистическая партия была распущена в 1994 году, после 102-х лет существования. Христианско-демократическая партия, утратив подавляющее большинство своих членов, была в том же году преобразована в незначительную Итальянскую народную партию. Чем дальше, тем становилось яснее: антикоррупционная операция превращается в грандиозную зачистку политического поля, явно заказную.

Кто же был конечным бенефициаром? Об этом приходится только гадать. Непосредственные же выгодополучатели очевидны. Это карательные службы, решившие заняться политикой, а также (и даже в первую очередь) вчерашние коммунисты, сменившие вывеску ещё в феврале 1991 года, за год до «дела Кьезы» и словно в предвидении этого дела. А может быть, и в предвидении. Теперь компартия называлась Демократической партией левых сил (ДПЛС). После самоликвидации социалистов и христианских демократов она стала крупнейшей, недосыгаемой по численности партией Италии. В разреженной политической атмосфере коммунистам было легко обеспечивать политическую крышу команде Ди Пьетро, которая, по странному совпадению, состояла в основном из красных и розовых.

В конце 90-х в каких-то российских теледебатах представитель КПРФ горделиво напомнил, что антикоррупционная кампания в Италии не выявила случаев коррупции в муниципалитетах, контролируемых коммунистами. Ещё бы! На все подобные случаи команда Ди Пьетро закрывала глаза, хотя компромата было предостаточно.

Атмосфера сгущалась. Помню, с какой тревогой описывала, начиная с 1993 года, обстановку в Италии покойная Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти, её еженедельные обзоры печатались в парижской «Русской мысли» и представляли собой исключение в тогдашней журналистике: буквально все, писавшие об Италии, лишь превозносили народного героя Ди Пьетро.

Диктат магистратуры и слегка переукрашенных коммунистов становился всё более откровенным. Партийные органы ДПЛС всюду «решали вопросы», расставляя свои кадры, буквально с порога насаждая левый авторитаризм и социальное иждивенчество. К новым чиновникам, пришедшим на волне «Чистых рук», заискивающе потянулся бизнес. Насмешка истории состояла в том, что, когда голос остальных партий понизился до слабого писка, упорнее всех противостояла красному натиску, тем самым объективно отстаивая сужающийся плацдарм демократических свобод, партия «Итальянское социальное движение» (позже «Национальный альянс»), слышавшая «неофашистской». Вот против кого следователям Ди Пьетро действительно не удалось найти компромата, хотя старались они сильно.

В ноябре 1993 года президент Италии Оскар Луиджи Скальфаро (которого самого обвиняли в махинациях) в телеобращении к стране призвал прекратить кампанию «Чистые руки», ведущую Италию к полному развалу.

Именно в это время на политической сцене появляется Сильвио Берлускони, президент корпорации Fininvest, владелец футбольного клуба «Милан», трёх крупнейших телеканалов, сети супермаркетов, строительных компаний, крупнейшего издательского дома «Мандадори» и контрольного пакета акций тридцати итальянских газет. Появляется, прямо скажем, в последний миг. Ещё две три-недели промедления — и было бы поздно. На стороне Берлускони, которому шёл уже 58-й год, помимо его финансов, стояли восемь миллионов футбольных болельщиков «Милана» — четверо больше, чем имела членов Коммунистическая партия Италии в лучшие свои времена.

На базе клубов этих болельщиков Берлускони за какие-то два месяца создал партию «Форца Италия!» (у нас это переводят как «Вперёд, Италия!», хотя слово «форца» в данном случае точнее передаётся словами «бей!», «мочи!» и т.д. — так кричат болельщики во время матчей). Эта партия, которую и партией-то в привычном смысле назвать было сложно, за оставшееся до выборов время стала одной из ведущих электоральных сил страны. Ставка была сделана не на политическую элиту, а на простой народ, интеллигенцию, молодежь. Берлускони помогло и то, что миллионы представителей среднего класса успели остыть от антикоррупционного восторга и разглядеть угрозу.

Соратников по коалиции выбирать не приходилось. Ими могли быть только партии политического арьергарда (так в то время казалось) — а именно сепаратистская Лига Севера, Национальный альянс и радикалы. На выборах 27 марта 1994 года они вместе сумели получить 366 парламентских мест из 630. Подобное чудо могло произойти лишь единожды — в условиях разгрома крупных политических партий, — и оно произошло. Бог не захотел, чтобы в Италии установилась полицейско-коммунистическая диктатура: значительная часть католического электората пошла за Берлускони.

Поскольку партии «Вперед, Италия!» достались самая большая доля голосов, 21 процент, кабинет возглавил её лидер. Это было первое правительство Второй республики. Берлускони провозгласил всем понятные ценности: «свобода, личность, семья, предпринимательство, итальянские традиции, христианские традиции и любовь к слабым», давая понять, что его партия подчеркнута внеидеологична, партия консервативного здравого смысла. Главными приоритетами нового премьера стали инвестиции, особенно в средний и мелкий бизнес, льготы для лиц, открывающих своё дело, передача значительной части полномочий с общенационального уровня на местный, оздоровление финансов, ускорение приватизации, стимулирование деловой активности, упрощение системы налогов, дальнейшее очищение итальянского общества от коррупции, усиление борьбы с мафией.

Первое премьерство Берлускони длилось недолго, всего девять месяцев, до 17 января 1995 года (до выхода «Лиги Севера» из коалиции), но оно оказалось судьбоносным для Италии, хотя поверхностным наблюдателям перемены поначалу даже не слишком бросились в глаза: операция «Чистые руки» продолжалась до 1996 года, вся либеральная Европа продолжала восхищаться доблестным Ди Пьетро и его командой. Однако победа Берлускони вновь вдохнула жизнь в приунывшие было правые силы, в гражданское общество. И хотя магистратуры ещё долго не оставляли попыток подменить собой власть, угроза диктатуры как-то незаметно отпала — именно поэтому многим сегодня кажется, что её и не было.

Антонио Ди Пьетро был награждён должностью министра общественных работ, а позже — министра инфраструктуры, но до сих пор не оставляет мечту посадить Берлускони за решётку. Вообще левые бросили все силы на то, чтобы взять реванши и отомстить тому, кто сломал их счастье. Сам Берлускони считает, что его первое премьерство прервалось так рано исключительно благодаря организованной левыми травле в газетах и журналах (интернет в 1995-м ещё был диковинкой). Но в глазах общественного мнения у этой травли был повод: в июле Берлускони принял решение освободить 2 тысячи человек, арестованных по подозрению в коррупции. Само по себе это решение было правильным: вина большинства освобождённых не подтвердилась, но публика была настроена иначе.

На следующих выборах, в 1996-м, по уверению Берлускони, победу его коалиции украли опять левые, уничтожившие на местах 1,7 миллиона бюллетеней. Как он заявил берлинскому еженедельнику «Welt am Sonntag» перед выборами 2001 года, «после краха кабинета [левоцентриста] Проди ни один из его наследников [речь о коммунисте д'Алема — кстати, активном стороннике натовских бомбардировок Югославии в 1999 году, — и левом социалисте Амато] не был легитимно избран народом».

Хотя переукрашенные коммунисты на какое-то время возвращались к власти, воспроизвести обстановку 1993 года они уже не смогли: быстро окрепли

новые центристские и правые партии, вернул утраченное было политическое влияние бизнес. Пережив недолгий расцвет, ДПЛС пошла ко дну, почти не булькнув. Сейчас самая прямая из её наследниц (после многих расщеплений, соединений и поглощений) — не представленная в парламенте мелкая партия «Левые, экология, свобода» без всяких серпов и молотов на эмблеме.

За время своего доминирования левые успели прочно внедрить чёрный пиар и политическую ангажированность судов (и прежде не безгрешных), благодаря чему в начале «нулевых» судам доверяли всего 10% итальянцев. Любимым спортом левых стали попытки отдать Берлускони под суд. Даже его возвращение к власти в 2001 году кто-то из журналистов объяснил так: *«итальянцы, давно переставшие уважать закон, проголосовали за гонимого этим законом Берлускони».*

Почему этот человек сумел совершить чудо в единственно нужный и возможный момент? Если бы за ним были только деньги и клуб «Милан», этого бы не хватило для победы. По характеристике прессы, при своём появлении на политической арене он очаровал итальянцев своим ораторским искусством, артистичностью, знанием стилистических и лексических тонкостей итальянского языка, способностью с блеском переспорить любого политического оппонента. И уж конечно тем, что он не унаследовал свое богатство, а сделал себя сам. Но и уязвим он был в этом же. Одно дело — наследник семейных миллионов, неважно как добытых, но давно узаконенных, другое — бизнесмен, начинавший с низов. Не замараться на этом пути невозможно даже в самой ангельской стране, а Италия менее всего была таковой.

Яркие люди вызывают злобу у тусклых. Баловень судьбы, обаятельный богач, ставший политиком, удачливый в любви, эксцентричный, неизменно улыбающийся певец, поэт, автор песен и любовных баллад не может быть ими прощён. Ему будут мстить до конца жизни. Два его возвращения во власть (уже в качестве проверенного политика) были во многом страховкой от этой мести. Он выполнил свою уникальную миссию в 1994 году. То, что он к этому добавил в 2001–2006 и в 2008–2011 годах, могли бы, строго говоря, сделать и другие. Тем более, что не всё из добавленного им в эти годы бесспорно. Злые языки говорят, что он возвращался не столько из любви к своей прекрасной Италии, сколько из чувства самосохранения.

Пусть так. Но и из любви тоже. В 2001 году «Вперёд, Италия!» изложила своё видение будущего страны в предвыборной программе, названной контрактом. «Контракт» предусматривал меры против безработицы, сокращение налогов, отмену налога на наследство. В разделе «125 проектов обновления Италии» (который невозможно было бы написать без любви к своей стране) масштабные начинания, вроде моста между Сицилией и Апеннинским полуостровом длиной 3,3 км и стоимостью в 6 млрд. евро, перемешаны с более простыми (такими как объединение молочных кооперативов Калабрии или превращение старого металлургического завода, исторически оказавшегося

почти в центре Неаполя, в Музей индустрии). Много из обещанного было выполнено. Характерно, что Романо Проди в 2006 году остановил строительство сицилийского моста, однако три года спустя вновь возглавивший правительство «кавалеро» (звание, соответствующее «герою труда», присуждено Берлускони в 1977 году) объявил о возобновлении работ.

Не исключено, что он предпримет ещё одну попытку вернуться к власти. Возраст? Ему сегодня 75. Но Алессандро Пертини покинул пост президента Италии (по истечении срока) в 89 лет. Гладстон был английским премьером до 84-х лет, Черчилль — до 81-го года. До такого же возраста Кекконен занимал пост президента Финляндии. Аденауэр был канцлером ФРГ до 87-ми лет, Ли Сын Ман — президентом Южной Кореи до 85-ти. Морарджи Десаи стал (!) премьер-министром Индии в 81 год, Имон де Валера покинул пост президента Ирландии, будучи уже за 90. Петэн был главой Французского государства до 88-ти. Чан Кайши оставался президентом до 87-ми. В этом же возрасте Дэн Сяопин ещё был фактическим руководителем Китая. Ныне правящему Роберту Мугабе в феврале будет 86, и он в чудной форме. И так далее. Так что попытка возможна, а запас симпатий к Берлускони в итальянском обществе растрочен не до конца. Пожелаем ему удачи.

Ну а как с коррупцией? Мнения расходятся. Подчёркивая, что кампания «Чистые руки» имела огромную общественную поддержку, профессор В.Д. Андрианов напоминает: *«В экспроприированных у мафиози домах размещали государственные учреждения, в том числе больницы, суды, полицейские участки. На бутылках с вином, которое было изготовлено из выращенного на конфискованных землях винограда, демонстративно красовалась надпись: “Сделано на винограднике, отобранном у мафии”. Деньги коррупционеров направляли в социальную сферу, сельское хозяйство и на другие нужды. Это был хорошо продуманный пиар-ход, который усилил общественную поддержку антикоррупционной кампании».* В.Д. Андрианов приходит к выводу, что, хотя одна операция, даже такая масштабная, *«не могла вытравить коррупцию окончательно, она разбудила пассивное общество и запустила механизм обновления и очищения. В настоящее время коррупция в Италии, конечно же, не исчезла, но масштабы её и характер претерпели существенные изменения, общая атмосфера в обществе изменилась к лучшему».*

А вот итальянский политолог Джованни Бенци иного мнения: *«Коррупция не уменьшилась. К сожалению, можно сказать, что операция “Чистые руки”, несмотря на благие намерения её инициаторов, Италии не помогла. Она развалила старую систему, не заменив её новой, более здоровой».*

Не нам вступать в этот спор. Но кое-что намотать на ус мы просто обязаны: ни одно начинание не должно приобретать характер всепожирающей кампании, которая легко может превратиться в охоту за ведьмами, в поиск врагов народа, в сведение счётов, в разрушение государства. Спасителя может не оказаться.

Андрей Миронов

Там, где сумеречный рассвет

ОПЕРАЦИЯ «КЛЕШНИ»

Постоянно проваливаюсь в сон, а спал урывками по паре часов в сутки, то там прикорнёшь, то там — самолёт в Хабаровск — 12 декабря в 22:50 и 8 часов лёту с семичасовой разницей; час добраться до автобуса — 6 часов в прохладном салоне, разбавленном просмотром советской шняги типа сериала «Под ливнем пуль», час ожидания в комнатке для ожидающих проходящего поезда на закрытой станции Селихин, где кошка съела остатки бутерброда, отведав московского сервела-та... Под тридцать мороза...

И вот в тёплом уютном купе. Ехать всю ночь.

Беспардонность абсолютная: ты шепчешь, стараешься никому не мешать, а в ответ — «вахлак трейн» куражится.

Тот самый Ванинский порт. Сейчас как раз его дербанят. Обычный маленький порт, суда, паром — ржавое всё, плохо крашенное. Грузят уголь ковшами. Ж/д цистерны на путях.

Встречи.

Переезд в Совгавань (быв. Императорская гавань), всю дорогу, до которой истерично хохмлю.

Мы у всех — где у вас тут крабы?

Два люкса в гостинице, и мне достаётся номер для молодожёнов, из-за редкого использования вымороженный.

— Что там делать? — осведомляюсь у портье, как многие тут, поклонницы Аллеговой.

— Пофантазируйте...

Пышные — гвардейские — шапки на затылке, мохнатые огромные кепки на бровях. Печать вырождения на лицах, окружающем, когда не понять — строится дом или разрушен, где девятнадцатилетние девчонки не имеют половины зубов и одеты как шлюхи, а их спутники просты, усевшись играть в карты: чё? ничё! Молодые матери, как старушки, уныло катящие коляски, папаши — похожи на зеков, в глазах которых неизбывная тоска и злоба. И мне, распространяющему добро, ничего с этим не сделать...

Все ждут строительства ГРЭС — имеющаяся «Майская» не справляется, нет горячей воды почти во всём городе, да и с холодной не очень, а также привозной газ и уголь, дров — нет, а пока идёт лишь нулевой цикл, всё время переносится строительство и руководитель работ доводит до нас привычные трудности: всё вокруг УФСИНовское, хаотичное, пришлось столько взрывать несурзных зданий, копнёшь там — провод, здесь — труба, и никто не знает — чьи, откуда... Ничего не готово, ведь ещё ветку тянуть, а поставка оборудования уже весной.

Сколько здесь сгнуло наших людей! И не самых плохих — большевицкий отбор! Остались Забайкальские Комсомольцы, их дети и внуки, или, как бывшая надзирательница, в форменной одежде полоумная

старушка среди леса, строевым шедшая по дороге, «отмашка рук сохраняется».

Ужас кругом. Но после Советской Армии — нормаль! Бытиё становится призрачным, и истерично шутим над всем окружающим, даже задираемся, не давая им спуска, но с умом — можно же иначе?!

Пошёл второй блистер «Персена».

И правда, бытиё определяет сознание. Чёрт возьми, красное стерво знало это и всю использовало.

Я говорю дочке: попади ты такая сюда гладкая — съедят. Не странно, что тут мало говорят — слов просто не знают, и всё их пугают: амеры или японцы с китайцами придут — горе вам будет. Нужно развиваться! И теперь ясно всё мне про Сахалин — «помирают» там. Как все местные, насмежаются над путинским проездом на «калине». К чему вдаваться в детали — их знаете главное: в грязь клали асфальт, в ямы — весною всё снесёт.

Режим как фирма однодневка.

Благодаря японским автомобилям здесь есть жизнь! Иначе — никак. Единожды только видел «жигулёнка». Как тут «Калина»? За 500–600, как тут говорят, рублей, когда за 400–500 можно приобрести настоящего «японца»? А им и кислород перекрывают из Москвы, будто с другого света — правый руль нельзя.

Только вывозом живут: нефть, уголь, лес — по всему пути идёт его добыча. Рыбы много, грибов полно, в сезон целый краб — 100 рублей, сейчас не сезон и дорого всё.

И что за путь: поезд буквально у каждого столба останавливается — иначе отсюда не выбраться, запуская очередную порцию «сумеречных людей». Нас тут сразу «выпасывают», с первого слова.

Очень трудные маршруты — расстояния и злой мороз. Шуба на окнах в поезде в палец толщиной, и страшно становится отстать или опоздать. Вокруг вдалеке сопки, чахлая растительность. В тамбуре, при призрачной связи — то запрос таможни, то грузы... Стоит прилечь, надрывается телефон.

Много «афанасов»: контрактники недовольные — обещали «золотые горы», и бравые вчерашние и нынешние служаки, что всё Родину защищают, при теперешних обещаниях и заигрывании, впрочем, имея неплохой кошт. Однако никто из них даже не поймёт вопроса: страну или режим защищаете. А немцы, англичане, американцы, французы — поймут. Вот и разница!

Под солнцем пригрелись странники, отпустило их в вагоне-ресторане, где за плов, приготовленный «лучшим поваром ЮВЖД», выдают заклёкший рис, куски варёной курицы и крупно нарезанную морковь, подружились с соседями и всем помогаем — то доносской вещей, то едой, то добрым словом. Мы должны нести им свет, разрушая «мифы о Москве».

Хабаровск. Столица Дальнего Востока с ухоженным центром и «вороньими слободками» по окраинам.

Китайцев не столь много, чья кухня окончательно подтвердила моё её неприятие — дрянь! И то — прокорми деревеньку в миллион жителей?!

Зато наелись крабов...

На рынке дорогая красная икра, немного копчёностей, по 1200 рублей корюшка, и 2000 рублей мясо фаланги краба, и 1500 — клешни. Шишки кедровые по 50 рублей и всякого вида кедровый орех.

Ночной клуб «Женское сердце» (в пафосные чужаков и близко не пускают, «съёмные» — фейс-контроль не прошёл), пригрелись в молодёжном. Да и там — ну, совсем не Европа: тут не стой, не садись, оденься, так нельзя, тут не курят. Прямо диву даёшься!

Улетая, так нигде и не встретив храма, оставил 33 свечи из храма Гроба Господня и иконки в церковной лавке, приведя в изумление хранительницу.

Туда добирались два дня, обратно — три. Как нас могли оккупировать немцы?

Дмитрий Ягодинцев

Катимся к пропасти или движемся вперёд?

ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ПОЕЗДКАХ ПО СТРАНЕ

За прошедший год со страниц журнала звучало немало критики в адрес власти и её деятельности в организации нашей жизни. Последнее время вообще отмечено огромным количеством критического материала в печатных и электронных СМИ. Связано это или нет с личностью президента Медведева, но именно в последние годы пресса довольно смело критикует власть и всё, с ней связанное. Несомненно, критика большей частью вполне справедлива. Страна представляет собой сплетение разнообразных проблем и болезней, наследственных и вновь приобретённых. Часть из них столь глубоки, что решения их в ближайшем будущем ждать не приходится. Тем более что и решать их никто не собирается. По крайней мере как-то иначе, кроме как на словах. А так как о чём-то позитивном сообщают только центральные каналы телевидения и только в очень похожей на победные реляции советского времени манере, люди инстинктивно в это позитивное не верят. Тем более что все успехи связываются с деяниями Единой России и правящего тандема. Не верится, уж больно на КПСС похоже. Очень хорошо видна постановка. Кроме того, настроение общества, хотим мы этого или нет, находится на негативной, критической волне. В целом поле для критики более чем благодатное. Получается, если отбросить центральные каналы, всё совсем скверно в нашей жизни. Но ведь не всё наше общество находится в рядах, противодействующих развитию (читай — в чиновниках). Большинство из нас, так или иначе, выполняет действия, помогающие поступательному развитию России. Есть ли результаты? Можно ли их заметить? Или мы «катимся к пропасти» и «стоим на грани катастрофы»?

Как часто мы сталкиваемся с деяниями столь негодной власти в обычной жизни? Если не смотреть

телевизор, не читать газет, не просматривать интернет, не слушать радио и, по возможности, свести к минимуму общение с местными властными органами, оказывается, что не так и часто. Все грехи власти в большой степени находятся в параллельном мире, с которым обычные граждане каждый день не пересекаются. А что происходит в мире обычных граждан?

Что же мы увидим, если путешествовать по России, отключившись от негативного информационного поля, и просто смотреть, как развивается жизнь? Мой личный опыт поездок по основным городам России за последние 15 лет говорит о том, что внешне жизнь существенно улучшилась. Сразу оговорюсь, что такое впечатление не относится к деревням и мелким городам, где мне не так часто приходилось бывать. Поэтому делать общий вывод не буду. Вполне обычно, что развитие начинается от центра к окраинам, от столицы к другим большим городам, от них — к мелким и, далее, к деревне. На всё требуется время.

Мои личные впечатления от произошедших за 15 лет изменений в российских городах привносят позитивный настрой в мой взгляд на развитие страны. Мне очень хотелось бы поделиться тем, что я видел своими глазами.

Каждая поездка начинается с аэропорта. Сравнение нынешних аэропортов с их же собственным состоянием 10–15 лет назад не оставляет иного шанса, кроме признания серьёзного сдвига в лучшую сторону. Московские аэропорты стоят особняком. Домодедово превратился в гавань мирового уровня несколько лет назад, причём, строительство и улучшения продолжают и по сей день. С введением новых терминалов D и E Шереметьево также стал вполне современным и удобным аэропортом, отвечающим всем требовани-

ям мирового стандарта. Не за горами присоединение Внукова к ряду первоклассных воздушных гаваней. Но и многие региональные аэропорты существенно улучшились. Мне довелось воочию наблюдать за процессом строительства или реконструкции аэропортов в Екатеринбурге, Новосибирске, Уфе, Казани, Краснодаре, Иркутске, Калининграде, Красноярске, Сочи. Из холодных, плохо освещённых сараев, где поход в туалет был похож на подвиг, а о приличной еде с чашкой хорошего кофе или чая можно было даже не мечтать, эти аэропорты превратились в предприятия гораздо более высокого уровня. В большей (как Екатеринбург или Новосибирск) или меньшей (как Краснодар или Калининград) степени, но это именно так. Я вспоминаю курьёзный случай, случившийся со мной в аэропорту Волгограда в 1995 году, когда нас с коллегой перед регистрацией на рейс отправили оплатить сбор в пользу ремонта аэропорта (500 рублей, если не запамятовал), и без квитанции не регистрировали. Сегодня в аэропортах можно и перекусить, и купить сувениры, и выйти в интернет, и в некоторых с комфортом коротать время в ожидании вылета. К этому необходимо добавить улучшение работы наземных служб и самих авиакомпаний. Многочасовые опоздания, сдвиг расписания, объединения рейсов по большому счёту остались в прошлом. Хотя со всем этим можно столкнуться и сейчас, но это точно будет печальным исключением, а не правилом, как это было несколько лет назад. Произошло серьёзное обновление воздушного парка, персонал стал более вышколенным и любезным, даже время высадки пассажиров из судна сократилось. При этом изменения происходят прямо на глазах. Каждая поездка в одно и то же место с интервалом в год несёт что-то новое, как правило, лучшее. Новый терминал, новое оборудование для досмотра, новый самолёт, большее количество рейсов, новая служба такси и так далее. Сейчас можно с большой долей вероятности улететь вовремя на современном воздушном судне с качественным обслуживанием на борту. Всё это вместе превратило воздушное путешествие из изматывающего мероприятия, из которого я часто возвращался выжитый как лимон, во вполне комфортную поездку, не отнимающую столь много сил. Как 20 лет назад западноевропейские магазины вызывали шок у советских граждан, а теперь не вызывают, сровнялись по классу, так и нынешние столичные аэропорты не отличаются от американских и европейских. Региональные аэропорты пока отстают, но тоже стремятся к уровню своих собратьев из европейской провинции. Последние полтора года я отмечаю ещё один позитивный сдвиг в авиации — полностью заполненные салоны самолётов на большинстве рейсов. При этом купить билет можно за день до вылета. Это удачный пример оптимизации расписания полётов и системы продаж.

Следующий сдвиг можно отметить в гостиничном деле. Появилось много частных гостиниц, почти во всех городах, где мне приходилось бывать. Москва и Санкт-Петербург стоят особняком, здесь много различного уровня отелей, хотя и явно недостаточное

их количество. Но всегда есть возможность найти номер в мини-отеле (новое явление в российском гостиничном деле), это меня всегда выручает. В Сибири (Красноярск, Кемерово, Новосибирск, Иркутск, Улан-Удэ), Поволжье (Нижний Новгород, Казань, Уфа), на Урале (Екатеринбург, Челябинск), Юге (Ростов-на-Дону, Краснодар, Ставрополь, Сочи) и в центральной части (Ярославль, Тула, Воронеж, Смоленск, Калуга) также возникло много новых гостиниц. Большинство из них — гостиницы вполне приличного уровня. А некоторые просто шикарны — отличные комнаты, изысканное меню в уютных ресторанах, телевидение с тридцатью и больше каналами на разных языках, полный комплекс услуг и любезнейший персонал. Возникшая конкуренция где-то в большей, где-то в меньшей степени была главным фактором, заставившим старые советские отели провести реконструкцию. Конечно, их уровень не всегда соответствует современным требованиям. Но, по сравнению с самими собой двадцатилетней давности, улучшения очевидны.

Далее, хочу отметить ресторанный бизнес. Совсем недавно круг ресторанов ограничивался брутальными заведениями с «отличным» сервисом и «высокой» кухней в гостиницах, где жили гости города. И парой ресторанов для первостепенных людей города и их окружения. Сегодня это положение решительно изменилось. В каждом городе открылось множество ресторанов совершенно разной вкусовой и ценовой направленности. От дорогих мест с качественной кухней и вышколенными официантами до демократичных кофеен. От традиционных русских и кавказских ресторанов до экзотичных японских и китайских. Меня особенно радует, что везде вкладываются большие деньги в интерьер заведений. Дизайнерская идея и её воплощение часто превосходит европейские и американские рестораны, интерьер которых, как правило, отличают простота и аскетизм. Порой встречаются просто шедевры дизайнерского искусства. И ещё радует, что рестораны очень часто полны публики, совершенно разной, от предпринимателей до студентов.

Улицы городов тоже претерпели изменения в лучшую сторону совместными действиями государства и предпринимателей. Во-первых, во многих городах заменено или отремонтировано дорожное покрытие. Это, конечно, не решает серьёзной проблемы качества наших дорог, но изменение в лучшую сторону явно намечилось. Особенно везёт городам, где отмечается юбилей или приезжает кто-либо из правящей верхушки. Дороги от аэропорта до центра городов в первую очередь попадают под реконструкцию. Это своего рода визитная карточка региона. Губернаторы и президенты стараются не отстать друг от друга. Получаются вполне приличные шоссе с хорошим покрытием и освещением. Основные дороги в центральной части городов тоже более или менее отремонтированы. И уже не представляют опасности для автолюбителей. Кое-где появились новые мосты, что резко улучшило транспортную обстановку (Ростов-на-Дону, Волгоград, Иркутск). То есть, если отключиться, как мы договорились, от негативного информационного по-

ля и не думать о воровстве, коррупции и откатах при строительстве (как говорится, свечу не держали), можно просто увидеть появившиеся относительно хорошие дороги. Роль государственных властей также видна в ремонте фасадов зданий, парков. Опять же, больше всего везёт городам, отмечающим свой юбилей. Непосредственно видел размах ремонта в Казани, Санкт-Петербурге, Ярославле и Калининграде. Денег выделяется весьма и весьма много. Так что даже при существенном нецелевом использовании, делается приличный объём работ. Иногда, правда, ремонт фасадов касается только лицевой части, а со стороны двора всё остаётся в унылом запустении. Но всё же лучше, что хоть с одной стороны.

Улицы полны автомобилями, это часто приводит к неприятнейшим пробкам. Но, согласитесь, эти машины ведь кто-то покупает, значит, не так всё плохо с достатком у россиян. Пробки стали спутником или, если угодно, атрибутом деловой активности в городе и благосостояния горожан. В «негучные» 2009 и 2010 годах напряжение на дорогах было явно меньше. Автомобиль действительно оказался не роскошью, а средством передвижения, судя по их количеству на улицах, статистике продаж и пробкам. На больших магистралях возникли симпатичные дилерские центры всех известных марок с приемлемым сервисом и диапазоном услуг. Качество и, я сказал бы, культура обслуживания авто поднялись на совершенно иной уровень. Поставка запчастей перестала быть многодневным «удовольствием». Всё это не исключает провалов и в поставках, и в обслуживании, но это постепенно становится исключением из правил. С заправочными станциями дело тоже улучшилось. Во-первых, они появились, во-вторых, они стали качественно лучшими, с кафе, магазином, туалетом. В-третьих, на них всегда есть бензин.

Центральные улицы наполнились светом. Архитектура домов заиграла в лучах установленной подсветки. Розничная торговля из обитых железом ларьков с узкой бойницей для передачи товара постепенно перемещается на первые этажи домов, пройдя все этапы развития за двадцать лет. Ныне магазины привлекательно блестят красивыми и яркими витринами, предлагая любые товары покупателям. В сочетании с отреставрированными фасадами старых зданий они доставляют истинное эстетическое наслаждение от красоты русской архитектуры. Основные российские и мировые бренды можно встретить практически в любом большом городе. Новые офисные здания возвышаются среди старых построек, что не всегда вписывается в архитектурный облик, но является необходимым для развития города. Очень современные стеклобетонные небоскрёбы появились в Екатеринбурге, Новосибирске, Уфе, Ростове-на-Дону, Волгограде.

Города украсили отреставрированные и вновь построенные храмы. Деятельность Московской Патриархии и её взаимодействие с властью в этой области впечатляют. Восстановлены тысячи храмов. Сотни построены. Оказалось, что полуразрушенные и обшарпанные строения — церкви потрясающей красоты

и архитектурной ценности. В Уфе и Казани, помимо православных храмов, успешно возводятся мусульманские мечети. А недавно в Улан-Удэ я присутствовал при завершении строительства буддистского дацана. Самое главное и ценное — религия жива, храмы полны прихожан, идущих туда по велению души и возносящих свои молитвы к Господу. Это очень выгодно отличает российские города от европейских, где христианские храмы давно пусты (что очень и очень печально) и люди искренне не понимают, чем они, кроме архитектурной и исторической ценности, значимы.

Следующее, что стоит упомянуть, это спортивная жизнь. Распад СССР дал шанс многим городам России выдвинуть свои команды в высшие лиги наиболее популярных игровых видов — футбола, хоккея, волейбола и баскетбола. И они не преминули этим воспользоваться. Созданы и уже завоевали призовые места казанский «Рубин», владикавказская «Алания» в футболе. Уфимский «Салават Юлаев», магнитогорский «Металлург», омский «Авангард», ярославский «Локомотив», казанский «Ак Барс» — в хоккее. Пермский «Урал-Грейт», казанский «Уникс» — в баскетболе. Белгородский «Локомотив-Белогорье», казанский «Зенит» — в волейболе. Эти и многие другие команды стали настоящими любимцами своих регионов. Стоит особенно выделить Казань, где развитию спорта уделяется первостепенное значение и вкладывается много средств и труда. В результате Казань можно назвать спортивной столицей России, имеющей чемпионов в футболе, хоккее, волейболе и прочих видах. С чем, конечно, поспорит Москва. Построены или находятся в стадии возведения новые спортивные дворцы и стадионы практически во всех крупных городах. Недостатком стало то, что чаще всего эти команды являются убыточными и некоммерческими проектами. Их бюджет пополняется из кармана региона или за счёт частных спонсоров. Что делает их существование весьма зависимым и шатким. И есть примеры, когда после прекращения финансирования команды сваливались в низшие лиги. Но есть клубы, позиции которых выглядят достаточно прочно. Они учатся эффективно управлять и самоокупаться. А построенные стадионы, уверен, пустыми не останутся.

Везде проникают современные информационные технологии. Мобильные телефоны есть у всех, от мала до велика. Сотовые сети покрывают все города, предоставляя всевозможные услуги, существенно облегчающие жизнь. Интернет также проник в жизнь и стал её неотъемлемой частью. Качество связи между городами стало на качественно иной уровень. То, что раньше делалось днями, теперь требует минут.

Отдельно хочу отметить возникшие и окрепшие предприятия совершенно разного толка, которые производят товары и предоставляют услуги всевозможного характера. Автомойки и салоны красоты, строительные подрядчики и инженерные службы, такси и маршрутки, интернет-провайдеры и курьерские службы, уборка офисов и агентства путешествий, издание газет и автосервисы, фитнес-клубы и реклам-

ные агентства. Всех и не перечислишь. Причём качество услуг и товаров, как правило, растёт, могу засвидетельствовать на личном примере. А ведь этого не было или почти не было совсем недавно. Трудно представить, как обходились без всего этого. На мой взгляд, деятельность и успехи народившегося предпринимательства ещё предстоит осмыслить и оценить будущим поколениям. Его появление в постсоветской России после семидесяти лет искоренения всякой инициативы вообще и предпринимательского сословия в частности уже является чудом. К этому нужно добавить, что в подавляющем большинстве случаев начинающие предприниматели обладали только энтузиазмом и крепким желанием иметь собственное дело, независимость и хороший заработок. Со специальным образованием, начальным капиталом, знаниями и умением вести дело, кредитом, соответствующим законодательством, безопасностью по объективным причинам дело обстояло куда хуже. Тем не менее, становление предпринимательства состоялось. И доказательству этому можно встретить на каждом шагу. Несмотря на непосредственное противодействие чиновничества, в том числе самого высокого ранга, страну пронизывает огромное число горизонтальных связей между предприятиями. Это основа развития нашего общества и экономики. Сегодня даже государственные структуры не могут обойтись без частных компаний, и большая часть госзаказа выполняется ими. Причём отнюдь не всегда связанными личными отношениями с чиновником. Одно из важнейших личных наблюдений — всё чаще и чаще отгрузка товаров осуществляется до оплаты. Даже между не знакомыми предприятиями. Появляется доверие, этот краеугольный камень развития предпринимательства.

Всё вышеперечисленное появляется в городах в виде оазисов. Новый магазин с блестящей витриной или первоклассная гостиница выглядят островами среди серых и тёмных советских фасадов. Но этих оазисов появляется всё больше и больше, они начинают сливаться, преобразая образ города. Порой новые предприятия принимают весьма оригинальные, даже экстравагантные, формы. Очень часто при строительстве не соблюдается архитектурная концепция и вырастают дома из другого измерения. Содержание рекламы на улицах иногда выглядит совершенно неуместно. Оформительские идеи часто грешат отсутствием вкуса и такта, излишней вычурностью. Встречаются и весёлые пассажи. Особенно это выражается в названиях. Придорожный ларёк с названием «Везувий». Или коттеджные посёлки в Подмоскowie «Монтевилль» или «Пригород Лондона». Или постоянное и нарочитое упоминание особых зон для VIP. Или, рядом с ИКЕА в Химках открывают магазин мебели «Идея» (помните: «Есть идея, есть ИКЕА»), выполненный в тех же сине-жёлтых тонах. И таких примеров много. Я списываю это на то, что мы находимся в начале пути. Гармония не достигается сразу, нужно время и опыт на осознание и устранение таких несуразностей.

Хорошим примером развития нового дела, давшего толчок развитию целого города, служит рыбалка

в Астрахани. Совсем недавно в этот небольшой город летал один рейс из Москвы. Но в последние годы слава о великолепной рыбалке в дельте Волге привлекает тысячи людей со всей России и даже Европы. Началось развитие гостиниц, деньги стали инвестироваться в туристический бизнес, появилась реклама на улицах многих городов. В результате построено много баз для рыбаков в дельте Волги и самом городе, аэропорт принимает до девяти рейсов в день только из Москвы, появилось много сезонных рабочих мест для астраханцев. Я имел честь сам видеть всё это в этом году. С базы до аэропорта нас с приятелем подвозил батюшка, любезно согласившийся выручить нас. Весьма критически настроенный к власти, он признал, что за последние годы произошёл сдвиг в развитии города, появились существенные улучшения в инфраструктуре.

Перенесись человек из, скажем, 93-го года в нынешний 2011, он, скорее всего, с большим трудом узнал бы свой город, особенно его центр. Порой стоит вспомнить, как это было 15–20 лет назад.

Начало поездки знаменуется ожиданием вылета в неустроенном аэропорту и, скорее всего, задержкой рейса. Полёт в старом советском самолёте, отличном по лётным качествам, но с вездесущим запахом туалета, неудобными креслами и сомнительным завтраком. Осаждающие полубандитского вида таксисты в аэропорту прибытия. Старая гостиница с долгой регистрацией, продавленными кроватями, убитой сантехникой, продуваемыми окнами, вечным запахом столовой во всех уголках. Тёмные улицы с редкими ларьками, отдалённо напоминающими броневики. Обед в гостиничном ресторане со знаменитым обслуживанием и меню по-советски. Отсутствие какого-либо сервиса и сложности в поиске необходимых контрагентов. Желание поужинать неизбежно приводит в тот же гостиничный ресторан. Обратный вылет сопряжён с не меньшими испытаниями в аэропорту и полёте.

Конечно, и сейчас все эти явления можно в известной мере встретить где угодно. Можно. Но легко можно и избежать. Причём даже не пытаясь это сделать. Просто улучшения быстро распространяются. Их поле всё больше и больше покрывает нашу жизнь, входит в новые её составляющие. Мы пользуемся ими каждый день, не особо задумываясь, что совсем недавно этого не было.

Самое главное изменение произошло в людях. Люди стали больше улыбаться, свободней общаться, профессиональней работать, лучше выглядеть внешне. Появилась возможность выражать свою индивидуальность, и люди этим воспользовались в полной мере.

Семьдесят четыре советских года не могли пройти бесследно, это надо осознавать. Мы многое потеряли, упустили, растратили. Нам очень многому нужно научиться, ведь мы просто жили в другом измерении, где любая инициатива, деятельность, активность были наказуемы. У нас нет опыта свободной экономики со всеми её законами, правилами и тонкостями. И критиковать здесь можно бесконечно, и критика во многом будет справедливой. Но не стоит ограни-

чиваться одной критикой. Это будет очень похоже на общественные настроения столетней давности, когда интеллигенция, особенно столичная, близкая к партии кадетов, слепо критиковала всё, исходящее от власти, и не замечала рутинного строительства на всех уровнях. Трагический урок истории не должен быть забыт. Иначе может произойти то, что Солже-

ницын гениально описывал в «Марте семнадцатого»: «Кадетские лидеры, как дети, долго раскачивали шкаф, и очень удивились, когда он на них упал». Модернизировать и догонять всегда сложно. Но нация жива. Мы находимся в начале пути, и, даже при всём противодействии, идём по нему в хорошем темпе.

Борис Бедросьян

Возвращение

Начиная с 2004 года (8/2004, 9/2009, 1/2010) в нашем журнале освещалась история, состояние и последующая активизация общественного интереса к воссозданию Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря в Тверской области. Эта тема находится в поле зрения общественности, церкви и властей. Её обсуждают на страницах изданий, конференциях, в интернете, снят ряд сюжетов и один фильм. Действуют сайты, посвящённые монастырю.

Архиепископ Тверской и Кашинский Виктор в мае 2010 года назначил иеромонаха Силуана (Конева) штатным священником в г. Красный Холм с полномочиями подготовки к регистрации и ведению дел по ремонтно-восстановительным работам Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. В ноябре 2011 года зарегистрирован благотворительный «Фонд восстановления Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря».

Близится регистрация монастыря, и уже сегодня заметны изменения, произошедшие в храмовом комплексе. Идут службы в ремонтируемой церкви Зосимы и Савватия в селе Слобода. У монастыря стоит информационный стенд. Подъезд к нему огорожен забором, там же стоит двухоконная бытовочка-кегля. Вся территория заметно очищена силами местной и приезжающей молодёжи, убрана растительность с развалин, некогда брошенные в Никольском соборе надгробные плиты и камни разобраны, сделаны деревянные мостки для входа в храм. Образована небольшая монастырская община. Иеромонахом Силуаном проводятся экскурсии для паломников. Двумя годами ранее им были организованы съёмки фильма о Краснохолмском Николаевском Антониевом монастыре. Видимо, мысли о дальнейшей судьбе монастыря, наличие родных корней и «погружение в материал» фильма немало способствовали его приходу в Красный Холм.

Впервые я видел этот фильм в черновой редакции, а затем на премьере в Твери. Фильм является первой акцией созданного Благотворительного фонда монастыря. Не пересказывая его содержания, скажу, что в основе сюжета лежит паломничество монаха в Красный Холм и Николаевский Антониев монастырь. Беседы инока с учеными и специалистами, экскурсии в историю обители, имена подвижников церкви (преп. Антоний, патриарх Иосиф II и др.) и деятелей России (Нелединские-Мелецкие, Шереметевы, Тютчевы, Бу-

турлины и др.), связавших свою судьбу с монастырем, укрепляют глубокое понимание значимости порушенного храма. Встречи с местными жителями дают нам ощущение, что за обыкновенной жизнью этой российской глубинки с её проблемами и повседневностью стоит естественная тяга людей к утраченным духовным истокам и корням, столетиями формировавшим, некогда достойную жизнь. Ещё живы люди, видевшие целыми храмы города и округи и то, как их разрушали. В их рассуждениях и воспоминаниях слышна память о былом и виденном ими ещё при жизни, отношение к вере, осознание своей вины.

И очевидно, что что-то настолько мощное было в вере и характере народа этих мест, что безбожная власть варварски стирала его память, разрушая её материально. Увы, памятные рубцы этой трагедии порой проявляются в безразличии, круговой поруке, рудиментарном страхе людей быть «съеденными» властью, боязни отстоять права, неверии в справедливость и защиту, невниманию к природе. Народ, поколениями переживший столь мощное насильственное опустошение души, очень нуждается в её восполнении. И дай Бог, чтобы тяжкая мера пережитого им содействовала воскресению многих омертвевших душ.

Завораживают в фильме кадры с хрусткими шагами инока по высокому снегу к закрытым массивным ржавым дверям старинного Никольского собора, отворяемым с натужным скрипом, как стоном от боли. Глубиной наполнен весь образ руин древнего собора, протянувшего сквозь зиму забвения крылья своих

разрушенных стен, словно стариковские руки, призывающие своих заблудших детей вернуться в родительские объятия, прощая им всё и давая всю звёздную бесконечность веры.

Весь материал интересен также очень живым и правдивым документальным материалом неподдельной живой реальности российской глубинки. Здесь виды города и бытовые зарисовки перемежаются беседами с его жителями. Из многих кадров встреч и бесед цепляет короткая сцена разговора инока с мальчишками. Их румяные от мороза лица, незатейливые рассуждения о вере, свалившийся с ноги одного из них валенок, накрепко запоминаются и стоят перед глазами. Достоверность этого такова, что зритель невольно ощущает свое присутствие, слышит скрип искрящегося на солнце снега и чувствует колющий запах морозца. Здесь, в жизни российской глубинки, мало что меняется, увиденное же обнадеживает нас в опоре на то, что сохранилось чистого и доброго в народе. Финал фильма символично наполнен радостью нарастающего света солнца в проёмах окон старинного собора.

Ленту сопровождают песни о Красном Холме и музыка И. Баха, В.-А. Моцарта, В. Мартынова, А. Пярта, А. Шнитке.

Увиденное воспринимается как размышление авторов о нравственном состоянии народа в российской

глубинке, содействуя укреплению веры и надежды на то, что выход из мрачного лабиринта духовного оскудения, в котором заблудился наш народ, будет им найден на светлом пути любви к созидательной и полноценной жизни, мудро устремлённой в будущее.

Премьера фильма состоялась в Красном Холме 25 ноября 2011 г.

Премьера фильма «Спас на Холму» в Твери состоялась 23 декабря 2011 г.

В этом году планируется показ фильма в Санкт-Петербурге и Москве.

Сайт монастыря: <http://antoniev-mon.narod.ru/>
Желающие могут перевести деньги на счёт фонда, указав, что это пожертвования.

**Благотворительный Фонд
«Фонд восстановления Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря»**

Юридический адрес: 171660, Тверская область, Краснохолмский район, город Красный Холм, площадь Карла Маркса д.14/1, оф. 13; почтовый адрес: тот же.

Р/с 40703810319060000007 в ТВЕРСКОМ ОАО «РОССЕЛЬХОЗБАНК» Г. ТВЕРЬ

БИК 042809795 к/с 30101810600000000795 ИНН 6928004111 КПП 692801001

ОГРН 1116900002119

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Солженицын: мыслитель, историк, художник

23 марта 2011 года в Доме русского зарубежья им. А. С. Солженицына состоялось обсуждение беспрецедентного по объёму и содержанию сборника работ «Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика 1974–2008». «Посев» публикует три

фрагмента этого круглого стола, присланные участниками обсуждения. Первый из них — выступление И. Роднянской — напечатан в № 12 нашего журнала за прошлый год. Прочие два выступления — Р. Гальцевой и П. Проценко — публикуем в настоящем номере.

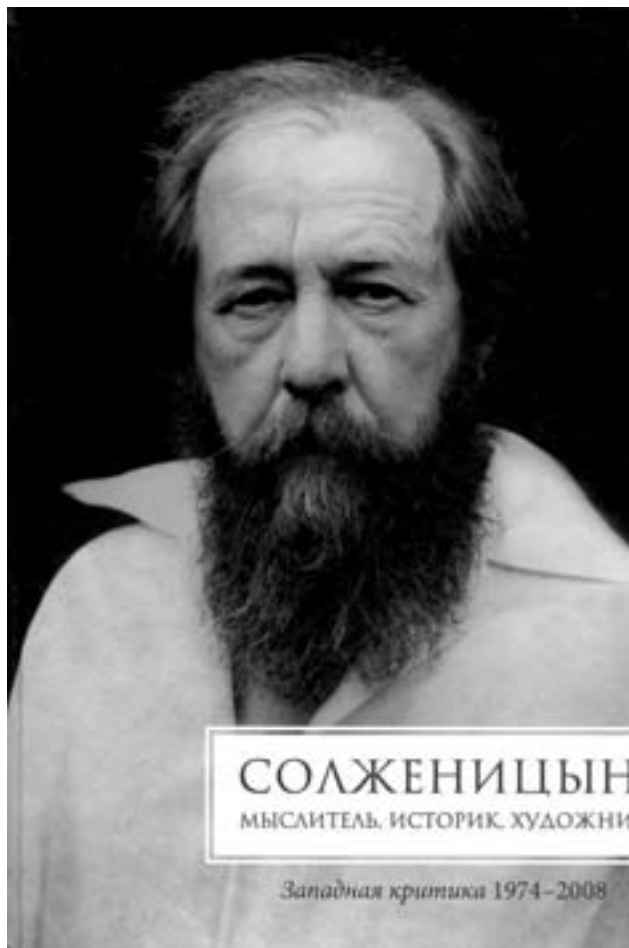
Рената Гальцева

Один из эпизодов наступления на Солженицына как интерпретатора русской истории

В конце 2010 года вышел в свет обширный сборник статей западных авторов, посвящённых Александру Исаевичу Солженицыну как мыслителю, историку и художнику. Центральное место отведено здесь работам на темы Гарвардской речи, вызвавшей волну разъярённой полемики на Западе. Представленные в книге материалы, печатавшиеся в различных иностранных изданиях с 1974-го по 2008-й годы, в России публикуются впервые.

Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика 1974–2008: [сб. ст./сост. и авт. вступ. ст. Э.Э. Эрикссон, мл.; коммент. О.Б. Василевской; пер. с англ. фр.] — М.: Русский путь. 2010. — 720 с.

Среди многочисленных и основательных работ, посвящённых мировоззрению Солженицына, мною выбрана статья, которая выделяется из общего собрания текстов своим провоцирующим содержанием и тем вызывает желание присмотреться к ней поближе. Одновременно позиция, выраженная в ней, оказалась весьма репрезентативной для восприятия Солженицына на Западе (а после открытия книжных шлюзов с начала 90-х — и в нашей стране). Потому, сосредоточившись на этом примере, мне бы хотелось показать, какова же степень интеллектуальной основательности, а также — внутренняя установка этой распространённой интерпретации. Текст привлёк

моё внимание ещё и весьма оригинальной стратегией.

Сборник, согласно характеристике его составителя, американского профессора Эдварда Эриксона, собран по принципу «доскональной», но «в то же время уважительной критики», в подтверждение чего приводятся статьи, «вышедшие из-под пера таких французских знаменитостей, как Клод Лефор, Раймон Арон, Ален Безансон и Жорж Нива» (с. 364). И по большей части это так. Однако в ряду этой не просто «уважительной», но даже и не «доскональной», т. е. непридирчивой, критики (а зачем ей таковой и быть, если речь идет о столь исключительном явлении, как А. И. Солженицын) имеет место не только резко отличное от всех остальных, но и весьма загадочное по форме высказывание.

Я имею в виду статью известного истолкователя судеб России, плодovitого в недавнем прошлом советолога, одного из членов «Академии бессмертных» Алена Безансона — статью «Солженицын в Гарварде» (с. 364–376).

Недоумение возникает с первых же строк: «Речь, произнесённая Солженицыным летом 1978 года в Гарвардском университете, — заявляет автор, — может быть истолкована двояко. Первая — простая — интерпретация лежит на поверхности, вторая — более рискованная и сомнительная — может, однако, оказаться и более интересной и более близкой к истине» (с. 364). Здесь что ни фраза, то вопрос. И как это — более сомнительное, оно же и более истинное? Разве

что восточный коан или, наоборот, всепреемлющий постмодернизм чувствует себя здесь как дома, но для логического навыка европейца, каковым является академический автор, это явная несообразность.

Читаем далее: автор, казалось бы, хочет воздать должное великому человеку и признаётся, что не может исчерпать «списка его грандиозных деяний», — деяний человека, действовавшего «в ситуации, не имевшей прецедента в человеческой истории», в «режиме, имеющем совершенно иную природу, чем любой другой, доселе известный» (там же). Казалось бы, речь идёт об исключительной, героической личности. Но затем поясняется: «После 1917 года во всем мире родилось совсем немного людей (attention! — Р.Г.), более достойных восхищения, чем Александр Солженицын, и среди них ни одного русского» (там же). (Последнее пояснение автора станет понятно потом.) Заметьте, «совсем немного», но — «более достойных» (а не хотя бы — «таких же достойных»). Это похвала или, скорее, выражение скепсиса? И не воспроизводит ли это схему, по которой строится знаменитая речь Антония из шекспировского «Юлия Цезаря» — образец демагогического лицемерия на все времена:

*«Я говорю не то, чтоб спорить с Брутом,
Я только то, что знаю, говорю...
А Брут достопочтенный человек».*

Кто же эти «нерусские» сверхгерои? Оказывается, это — возглавители национально-освободительного движения боливиец Боливар и О'Коннелл, деятель легальной (заметьте!) борьбы за независимость Ирландии и равные права католиков. Они, действующие в старорежимных условиях, — «освободители», а Солженицын, прошедший все круги ада и, как один в поле воин, заглянувший в пасть дракону, «свою страну... не освободил», а «проиграл» (с. 364–365). Что же означает тогда признание автором «беспрецедентной ситуации в мировой истории», доставшейся на долю Солженицына? Однако опять тут же признаются его необыкновенные дарования: «Он в одиночку способен заставить свою страну пойти по благоприятному или неблагоприятному для неё пути».

Ведь «Брут достопочтенный человек».

Под видом восхваления Брута оратор Антоний наводит на него густую тень и возбуждает против него толпу. (Реплики толпы: «Он дело говорит», — когда подвергает сомнению поступок Брута.) В данном случае «толпа» — это идейная сцена общественного мнения Запада — но и России, — формируемая под воздействием в том числе и такой авторитетной «французской знаменитости», как Ален Безансон.

Но наступает момент, когда автор не удерживается в пределах обозначенной двусмысленной стратегии, перестаёт играть в кошки-мышки и, давая волю своим чувствам, переходит к прямому высказыванию. К вездущему им расследованию привлекаются и неожиданные сравнения, и снобистские фразы. Доброму вору всё впору. Почему-то поначалу для контрастного фона призывается Надежда Мандельштам со своим

великим «женским чутьём» (а ведь её «чутьё», уместность упоминания о котором здесь ничем не мотивируется, — состояло в том, что она как раз отдала предпочтение реализму Солженицына перед Шаламовым). Так вот, в её обществе, зачем-то признается критик, он чувствует себя в безопасности (не то что, мол, в обществе Солженицына). «Она всё *поняла* до конца», — таинственно намекает критик (с. 365). Что именно — читатель должен разгадать сам, но вряд ли сможет, если не считать высказанного ею *предпочтения* как раз Солженицыну. С энтузиазмом аггравировает, нагружает Безансон «обронённые» Анной Ахматовой о Солженицыне «два слова: *советский человек*» (с. 366), пытаясь отказать великому писателю и мыслителю в интеллектуализме. И можно понять, почему: духовная мощь в конформистском сознании позитивистски настроенного современного публициста (почему-то назвавшегося католиком) исключает умственную рафинированность, отвага и рефлексия не совмещаются в его ментальности. «Понятно, — домысливает за Ахматову автор, — что эта знатная дама... остро чувствовала то примитивное, тяжёлое и плебейское, что вылезало из этого уцелевшего в ГУЛАГе человека, когда он обращался к искусству» (там же). (Одно это возмутительное «додумывание» недвусмысленно характеризует намерения автора!)

К следствию привлекается и мнение решительного, но переменчивого в суждениях Александра Зиновьева о советском человеке как «окончательно выродившемся мутанте». Тень брошена. Но тут Безансон показывает, что он стоит на защите солженицынского имиджа, находя здесь, вероятно, лишь ослабленный вариант советского образованца: несмотря на «все слабости Солженицына, все слепые пятна его мысли», его величие в том, что «в нём выжила и победила» *совесть* и что свое «бескультурие» он превратил в культуру («если считать культурой, — ограничивает свое великодушие критик, — способность верно различать понятия») (там же). Здесь снова прорывается старый приём: Солженицын всё же «достопочтенный человек».

Для окончательного понимания, что такое Солженицын, автор расследования отсылает к одному из основателей коммунистической партии Франции, идейному адвокату Ленина Борису Суварину, который даст «убедительный ответ» автору «Архипелага ГУЛАГ» и «Красного колеса» (с. 370)

Обращаясь к объявленной в названии теме, критик с места в карьер возглашает: «Что такое Гарвардская речь? Ошибка? Провал?» Это всё равно, что спросить: «Пушкинская речь Достоевского? Ошибка или провал?» Безансон исходит из будто бы всем известной и принятой презумпции, что в Гарварде Солженицына постигла неудача. Налицо беззастенчивая попытка внушения по рецепту нацистского министра пропаганды: «Чем невероятней ложь, тем скорее в неё поверят».

Гарвардская речь, этот плод напряженной мысли и взволнованного сердца, несёт Западу две неотложных вести: предостережение от возможного крушения на пути автономного, безрелигиозного гуманизма

и — от духовного разоружения перед коммунизмом. Казалось бы, это ли не близко душе антикоммуниста и христианина? Но нет, — оказывается, Солженицын строит свои соображения на «ложной основе славянофильства» (с. 369), которое — поскольку оно не акцентирует начало правосознания, — опаснее советской власти: «Под флагом христианства воцаряется более благородный, более глубокий и, следовательно (? — Р.Г.), более вредный (логика? — Р.Г.) нигилизм, чем нигилизм революционный» (с. 368). В материалистическом же консьюмеризме Запада католический автор видит лишь «безобидное стремление к комфорту» (с. 375).

Россия опасна тем, что «в России права нет совсем» (с. 371), — декларирует исследователь, имея в виду всё российское прошлое. При этом понятие права употребляется здесь в расширительном смысле, синонимичном закону. Но закон существовал в России с незапамятных времён (как не знать этого специалисту по российской истории?); в письменном виде — со времён «Русской правды» Ярослава Мудрого.

Опасным называет автор и сам стиль, и язык писателя.

Однако пора нам прекратить распутывать извилистый стиль и язык самого критика, который на каждом шагу задает головоломки. И, наконец, осознать, за что великий человек подвергается несообразным и вопиющим нападкам. В ходе этого судебного процесса нельзя не заметить, как разговор о Солженицыне всё время соскальзывает на другой предмет — на Россию. Причём интересно, что единственное справедливое замечание о том, что русская и советская история — это разные вещи, оказывается какой-то случайной оговоркой, противоречащей всей концепции по этому вопросу в данной статье, не говоря о том, что писал ведущий французский истолкователь российской истории до и после рассматриваемого текста. Так, в книге «Le Tsarévitch immolé» (P., 1967) («Принесённый в жертву царевич», неточно переведённый у нас как «Убиенный царевич»), посвящённой русскому национальному сознанию, заявлено: «Продолжительность и глубина русских бед придаёт истории этой страны что-то пагубное, порой вызывающее ужас, жалость и отвращение» (цит. по: Гальцева Р.А. «Тяжба о России. Философская полемика». М., 2008. С. 217). Это хуже, чем трагедия: Россия достойна даже не сострадания, а презрения. Далее, русское прошлое просматривается сквозь психоаналитическую призму, при помощи фрейдовской отмычки эдипова комплекса, а ленинская теория — в свете онтологии гностицизма II века. Чтобы сочинять столь изошрённые несообразности, надо иметь очень веские причины, а в конечном итоге — испытывать жгучую ненависть к «этой стране», России, которая не заслуживает, по мысли критика, лучшей участи, чем занимать место изгиба среди народов.

Попробуйте объяснить, что же толкнуло на этот путь французского академика, аналитика тоталитарных идеологий, никогда не бывшего леваком вроде Глюксмана и, в конце концов, нашего единоверца

по христианству? Неужто болят старые раны, говорит застарелый имперский синдром, гибель наполеоновской армии «под снегом холодной России»; или — притязания России на мессианское преемство от древнего Израиля; или, проще, узел еврейского вопроса, завязавшийся в России? Тайна сия велика есть.

Так или иначе, Солженицын как предстатель и символ России не мог не стать ответчиком за неё. Однако никакие инсинуации не смогут отменить того факта, что Солженицын — великая личность нашего време-

ни, за которой числятся три подвига (если говорить языком Владимира Соловьёва): подвиг человеческий, он герой, вынесший из концлагерных застенков несломленный дух и чувство призванности вступить в битву с драконом; подвиг художественный — создание грандиозного эпоса; и, наконец, подвиг мыслителя-историософа, дающий нам ответы, способные осветить перепутья русской судьбы и сумерки человеческой цивилизации.

Пространство культуры

Павел Проценко

Владимир Соловьёв, соловьёвцы и Александр Солженицын

Сборник «Солженицын: мыслитель, историк, художник», выпущенный в свет в конце 2010 года издательством «Русский путь», собрал под своей обложкой работы западных исследователей творчества писателя за 34 года — начиная от момента высылки писателя из СССР и кончая годом его кончины на родине.

1974 год, которым датированы самые ранние статьи сборника, год ареста писателя в Москве и насильственного «перемещения» в пространстве, стал, как ни странно, той временной чертой, когда пик его западной популярности казался пройденным. Со стороны интеллектуального западного истеблишмента началась резкая критика и идейных позиций Солженицына, и его художественного творчества. И тогда, и впоследствии взаимоотношения Александра Исаевича и некоторых интеллектуальных и политических кругов Запада претерпевали разные фазы и изменения, однако там никогда не прекращалась кропотливая исследовательская работа по уяснению и мировоззрения, и особенностей творческого почерка прославленного русского автора. Вышедший сборник в чем-то суммирует итоги именно этой, дотошной и тщательной, талантливо сделанной работы.

18 статей (ровно половина) написаны в период до перестройки; остальные — после крушения СССР. Два наибольших раздела посвящены «Мировоззрению» и «Литературе», двум краеугольным камням, на которых стоит жизненное дело писателя.

Поначалу, читая статьи сборника, вдруг начинаешь, чуть ли не на физическом уровне, ощущать давление материала. Авторы работ сосредоточены не только на анализе мировидения писателя, но и на споре с его многочисленными противниками, и поражаешься, каким плотным непониманием Солженицын был окружен на Западе.

Но именно эта страстная предвзятость критиков Солженицына породила творческий ответ — и почти в той же, интеллектуальной и университетской, среде — тщательное исследование западными авторами идейной и религиозной составляющей солженицынского «космоса». Впрочем, им и карты в руки, так как,

по точному замечанию проф. Дональда Тредголда, по известным причинам «за последние полвека только иностранцы могли непредвзято исследовать русскую культуру во всей ее полноте» [1].

Ценной является одновременная констатация как связи русского писателя «с великими традициями разума и веры, смирения и душевного величия, составляющими основу души Запада», так и его опоры на отечественную интеллектуальную традицию, в частности на наследие Владимира Соловьёва [2].

То, что публицистика Солженицына, а также эпопея «Красное колесо» (на страницах, посвящённых религиозным поискам её персонажей) используют философские и мировоззренческие конструкции, раз-

работанные великим русским философом, говорит о том, что писатель продолжил развивать христианское общественное дело, начатое Соловьёвым и его последователями и оборванное революционным террором.

В данное время я занимаюсь исследованием истории группы последователей Соловьёва, уничтоженных в конце 1920-х в Киеве, и считаю необходимым подчеркнуть творческую связь писателя Солженицына с наследием великого русского философа.

Соловьёв стал не только родоначальником оригинальной русской философии, но разработал новый понятийный язык для христианской мысли. Он раскрыл для верующего человека насущность свободно принимаемой ответственности за судьбы Церкви и христианства.

Знаменательно, что умерший на пороге XX столетия автор «Оправдания добра» помог своим творческим наследием той проповеди о необходимости защиты европейской цивилизации, что зазвучала в общественных выступлениях Солженицына конца 1970-х — начала 1980-х гг., на исходе жестокого века.

Важнейшим для Соловьёва являлась идея христианской общественности, которая должна была, по его мысли, служить делу сплочения народов вокруг Христа, делу нравственного врачевания человечества, его пробуждения от сна обыденности и пошлости.

Соловьёв по происхождению принадлежал одновременно и к культурной аристократии страны, и, отчасти, к политической. Он воспринимал себя гражданином христианской империи и гражданином мира, существующего под знаком Вселенской Церкви. Совершенно чистосердечно он апеллировал к верховной власти, предполагая, что та несёт полноту ответственности за христианский проект России. И это выражалось не только в его прекраснотушном обращении к императору Александру III с просьбой о помиловании народовольцев-террористов. Всею своей литературной и общественной деятельностью Соловьёв призывал «христолубивую» власть быть таковой на деле. Он призывал «христианское» государство к христианскому государственному строительству. Однако высшая бюрократия лишь частично взяла на вооружение политическую составляющую масштабных замыслов философа, проигнорировав их духовные основы. Веру народа она привычно использовала в корыстных целях, вызывая в нем ожесточение.

Когда советская власть начала с корнем уничтожать христианство в стране, она во многом продолжила дело старой царской бюрократии.

К кому обращался Соловьёв внутри страны? К образованным классам, но также и к власти, к тем группам в правящем слое, которые понимали, что сила мировоззрения в огромной степени зависит от органического историко-культурного преемства. Но через десятилетия, в которые страна провалилась в беспымятство, не к тем же ли слоям общества (пусть и деградировавшего под воздействием террора) обращался и Солженицын?

Соловьёв искал отклика в представителях правящего чиновничьего аппарата «православного» государства. Солженицын обращался к представителям партийной и бюрократической номенклатуры тоталитарного СССР, а затем, после возвращения из изгнания, уже к представителям власти посттоталитарной олигархической России.

Вопрос о влиянии идей Соловьёва на творчество и мировоззрение Солженицына — это отчасти вопрос о жизненности христианства для России. Произошла ли в России на деле рецепция тысячелетней проповеди Церкви, или эта проповедь ушла в песок? На каком фундаменте рассчитывали укрепить свои проекты возрождения России эти двое выдающихся представителей культуры и Церкви?

Последователи Соловьёва объединились в религиозно-философские общества имени своего учителя в краткий период русского Серебряного века, продолжая разработку его идей.

Нужно отметить, что Соловьёв и его сторонники мыслили, находясь в тени великой Империи. Во многом их мысль опиралась не только на знания, логику и религиозно-философское видение, но и на историческую данность имперской силы. Российская империя последнего царствования медленно, неуклюже, мучительно преодолевая сопротивление внутри бюрократического аппарата, всё же разворачивалась к обществу, к признанию необходимости его свободного развития. В начале XX ст. в правительственных кабинетах возникло понимание того, что православное, церковное миссионерство и миссионерский энтузиазм могут служить векторами всеобъемлющей политической стратегии имперского развития. С другой стороны, внутри религиозно-философских групп и, шире, в кругах нарождавшейся церковной общественности появились идеологи, обосновывающие необходимость имперской экспансии требованиями своего рода христианского глобализма. К 1917 году для религиозно-философских обществ был характерен симбиоз революционного, имперско-либерального и демократического направлений.

Наиболее верными духу Соловьёва, несомненно, были те его сторонники, что пытались формировать линию христианско-демократическую. В Киеве — всё местное религиозно-философское общество (далее РФО) продвигалось в направлении выработки христианско-демократической платформы.

Киевское РФО, менее многочисленное и не столь внешне блестящее (судя по условному весу «громких» имён своих членов), как его московско-петербургские собратья, с февраля 1910 направлением своего развития выбрало Православие и церковность.

Благодаря тому, что на Украине окончательный приход советской власти произошёл почти с трёхлетним опозданием, именно киевскому РФО и его руководителям довелось принять активное участие в уникальном историческом эксперименте, попытке строить свободное национально-демократическое государство на христианских на-

чалах. Именно этим церковным людям, представителям большой русской культуры, удалось довести до конечных результатов ряд важнейших теоретических построений В. Соловьёва. Благодаря собственному опыту они увидели, с чем в реальности неизбежно сталкивается христианский универсализм в России.

Особенно интересен опыт их сотрудничества с гетманской Державой (апрель–декабрь 1918). Министерство вероисповеданий возглавил один из руководителей РФО В. В. Зеньковский.

Солженицын в «Красном колесе» справедливо критиковал несостоятельность «кадетского либерализма». Как пишет Д. Махони, исходя из текстов писателя, это был «ложный либерализм, не признающий ни национальной традиции, ни какого-либо высшего авторитета, и с безразличием или презрением относящийся к религии...» [3] Всё же необходимо отметить, что в своих резких определениях кадетской идеологии Солженицын опирался на результаты не до конца исследованной проблемы. В партии конституционных демократов существовали разные группы влияния. С кадетами были тесно связаны многие церковные деятели и течения.

В частности, с кадетами был связан и такой общенародно признанный пастырь, как московский «белый» старец о. Алексей Мечёв. Это неудивительно, так как культурные и интеллектуальные силы и, в частности, церковные, во многом ориентировались в общественно-политической сфере на партию кадетов.

У кадетов была разработана программа религиозной политики для демократической России. Временное правительство учитывало в своей деятельности именно эту программу. Демократическое российское государство даёт всем религиям равные права, но Русская Православная Церковь занимает первенствующее положение по историческому праву. Если в России такую программу успели лишь наметить к осуществлению, то именно на Украине при гетманате эту кадетскую программу взяли на вооружение и частично воплотили. Хотя самостийники всячески продвигали идею независимой Украинской Церкви, однако РПЦ как Церкви большинства народа они дали преимущественные права.

Церковнослужителям государство должно было выплачивать денежное содержание, также финансировать её культурно-просветительные программы и учреждения. Государство всячески привлекало духовенство и церковные силы для духовно-просветительской деятельности. В Киеве министерство вероисповеданий финансировало двуязычную (по большей части русскоязычную) культурную, общеполитическую, христианскую газету «Слово». Главным её редактором и авторами были в основном члены РФО. На её страницах представителем младшего поколения РФО Анатолием Жураковским была сформулирована главная задача для церковного действия — христианизация всей жизни. Представители РФО вошли в различные государ-

ственно-церковные и общественные комиссии, всё делая для того, чтобы повлиять на общество, на его настрои в сторону активизации в нём христианских побуждений.

В начале революции религиозные образованные люди, как и большинство представителей культурного слоя страны, ждали, что сквозь революционные события органично прорастут новые демократические формы жизни. Жизнь, по убеждению вождей русской демократии, должна прогрессировать и становиться всё лучше. Вместо этого в русскую реальность вторглись толпы озлобленных, сорванных с места сограждан. Мир стабильности разрушался, в любую минуту каждого подстерегала опасность. Законы исторического развития, усвоенные просвещёнными умами, не работали, вместо исправления безобразий пришло их усугубление. Вдруг открылось, что русское общество большей частью остаётся языческим. Что народное сознание питается не религиозными идеалами и поэтому легко соблазняется миражами различных утопий, соглашаясь участвовать в построении «новой жизни» для избранных. Что воля положительных, лучших людей бессильна перед разнужданными толпами.

В Украинской державе группа РФО пытается расширить дело просвещения народа. Но все её усилия сводились на нет обстановкой нарастающего в стране насилия и хаоса. Административный аппарат украинской республики разваливался и не мог проводить в толщу масс импульсы просветительских интенций РФО.

Уже в условиях красного террора, а затем нэпманского затишья киевские последователи В. Соловьёва делают попытку строить над бездной, которая вскоре поглотила русскую жизнь. Раз в обществе не оказалось органических сил, способных прорасти к добру, значит, нужно строить изнутри узкого христианского сообщества. А далее — будь что будет! У общины Жураковского были свои самообразовательные структуры, своя касса взаимопомощи, своя медицинская служба. Внутри общины Жураковского была в начале 1930 г. написана и передана на Запад первая по времени история церковного сопротивления в стране, присвоенная там католическим священником Александром Дейбнером (скорее всего, агентом ОГПУ) и под его именем в искажённом виде опубликованная. В этой работе содержалось обращение к западным христианам, к единоверцам в эмиграции с просьбой о помощи. Надежда у киевлян была на то, что напряжённая внутренняя жизнь в их общине (а также в подобных полуподпольных общинных церковных образованиях) вместе с общеевропейской христианской солидарностью окажет влияние на окружающую обстановку. Но все надежды были погребены после ареста и гибели руководителей общины.

Между устремлениями В. С. Соловьёва и его религиозно-философских последователей, русских православных неоплатоников начала XX столетия и между поведением христианина А. И. Солженицы-

на есть прямая связь. И соловьёвцы первой трети XX ст., и писатель во второй половине века стремятся использовать культуру, государственный аппарат и общественную среду как проводников христианского мирозерцания, этики и, в целом, глобального христианского проекта. В. Соловьёв, будучи автором утончённых философских построений, обращался к российскому обществу с призывом к совместной работе. Одновременно в лице католической церкви он обращался и к Западу с призывом к объединённой работе для просвещения человечества, улучшения его нравственного состояния, для спасения цивилизации.

Для философского творчества Соловьёва характерна острая публицистичность, стремление переводить теоретические выводы в непосредственную практику жизни.

Для творчества писателя Солженицына также характерна публицистичность и выход к актуальным проблемам. (См. запись в его «Дневнике Р-17» о необходимой пропорции в художественном тексте «вечных» тем и актуальной злободневности.)

Об идеях Соловьёва впервые Солженицын услышал в 1945 году от Бориса Гаммерова на каторжных работах в карьере под Новым Иерусалимом. Писатель слишком кратко упоминает об этом в «Архипелаге», чтобы как-то детально представить тот угол зрения, под которым он впервые узнал о взглядах Соловьёва. Ясно только то, что в тех чрезвычайных обстоятельствах у него не было ни сил, ни возможностей охватить миропонимание Соловьёва как философскую систему. Однако несомненно, и то, что лагерный учитель Солженицына сам воспринял соловьёвскую философию как философию оптимистической христианской всепобеждающей надежды, которую и передал своему товарищу по страданиям в начале его нисхождения в ад.

Этот оптимизм, вера в спасительность христианского проекта для России были двигателем жизни и для Соловьёва, и для Солженицына [4].

Оба, и философ, и писатель, с определённого момента развития осознают необходимость апеллирования к верховной власти в стране, к ищущей молодежи, к культурной и политической элите. Оба в какой-то момент понимают насущность апеллирования к христианским кругам Запада, к Западу как вместилищу культурных и политических начал, развивающих христианское миропонимание и систему ценностей. России невозможно продвигаться вперёд без поддержки Западной Церкви и общества, как и Западу невозможно выполнять свои цивилизационные задачи без России. Запад и Россия только вместе могут отстаивать идеалы ответственной свободы, завещанные на заре нашей эры основателями евро-атлантической цивилизации.

Надежды Соловьёва на создание в России и Европе единого христианизированного «праведного обще-

ства», определяющего судьбы мира, в конце его личного пути растаяли, а его внутреннему взгляду открылся исторический обрыв, конец истории с остатками цивилизации в лице её хранителей, горстки западных и восточных христиан, противоборствующих антихристу.

Уже его сверстники и младшие современники, следующее за ним поколение русских христиан, столкнулись с настоящим концом истории и попытались преодолеть её обвал, строя жизнь на фундаменте веры. В результате же получилась — смерть в вере. После их ухода осталась историческая пустыня.

Солженицын начал там, где они погибли, он словно воскресил из безымянной могилы казнённой России и Церкви упования её бесчисленных обитателей. В своём художественном творчестве, в своём жизненном деле он стал настоящим соловьёвцем. Он смог подбодрить многих внутри страны, смог показать возможные альтернативы бесплодному прозябанию в пустыне тоталитаризма. Он побудил Запад к сопротивлению. К хотя бы некоторому стыду за своё малодушие, к моральной солидарности с гонимыми правды ради. Он ещё раз показал огромный ресурс духовности в человечестве.

Призывы Солженицына к западному миру, его попытка мобилизовать западные политические группы и общественное мнение для политического и морального сопротивления тоталитаризму, несомненно, нашли бы в Соловьёве горячего сторонника. Несомненно и то, что в этом деянии русский писатель воплощал в жизнь предсмертные молитвы умученных русских христиан.

Творчество писателя завершилось в эпопее «Красное колесо». Этот сверхроман должен был предостеречь современную Россию от старых тупиков, показать пути выхода из тумана нравственной относительности и разобщённости. Однако, по признанию самого автора, он не успел с воплощением своего замысла. В то время как он выпускал в свет узлы романа с описаниями прежних ловушек, в которые попало старое русское общество, общество новорусское, постсоветское попало в новые капканы, трансформировало старое зло в новые формы. И особенностью этого нового общества стало беспамятство историческое, равнодушие к христианскому наследию, разрыв с опытом замученных нынешних обитателей Церкви Небесной.

Солженицын среди всеобщего гражданского обморока успел предупредить о новом идеологическом обмане публицистической работой «Россия в обвале». Однако создаётся впечатление, что в своё последнее десятилетие он утратил из виду христианские, соловьёвские, перспективы нашей истории.

Что говорит в пользу этого умозаключения? На переломе тысячелетий Солженицын в интервью Витторио Страда констатировал, что христианство в современной России уже «не составляет христианской действительности, не может решительно

повлиять на ход мыслей и событий в стране». Россия — уже не христианский народ. В этом признании — грустная констатация сложившихся реалий. Поражает в этих словах не их жесткая правда, а то, что за ними — и это редкость для жизненного опыта писателя — не стоит преодолевающей силы надежды. Ведь в постсталинском СССР также не имелось ни малейших рациональных данных для веры в победу над тоталитарным Голиафом. При всём том и сам Солженицын, и горстка уцелевших искателей правды действовали так, как если бы впереди открывались горизонты неотвратно приближающейся свободы. Такой подход к своей роли в историческом действе — совершенно соловьёвский! И именно такой подход ретроспективно оказался единственно оправданным. Поздний Соловьёв возлагал надежду на «малое стадо», которое в «конце истории» вопреки всему продолжит христианскую миссию в мире.

После крушения СССР и возникновения на его развалинах «новой России» для будущего развития важным было включение в её политический класс представителей христианского «малого стада» из правдолюбцев-идеалистов, действовавшего не только внутри страны, но и в эмиграции. Речь идёт о важности обновления постсоветской элиты через использование ресурса групп неформальных энтузиастов веры, культуры, науки, предпринимательства, существовавших, пусть и в ничтожно малом количестве, в стране и эмиграции. (А не о включении в нее представителей церковной бюрократии или культурного фрондирующего бомонда, что и произошло на деле.) Да, пути русской истории и в постсоветский период могли воссоздаваться только над всеми безднами «конца истории», и только при включении в общую работу народной совести и энтузиазма, чего, к сожалению, не случилось.

Создаётся впечатление, что Солженицын, увидев глубину постсоветской разрухи, ничтожество постсоветского политического класса, униженность общества и бессилие Церкви, стал видеть «последнюю» надежду в возможности обособленного развития страны в сугубо национальных формах. Однако я считаю вслед за Соловьёвым, что возможное будущее России лежит как раз в христианском векторе движения поверх всех барьеров и катастроф. В универсальном всечеловеческом призвании.

Здесь стоит указать на один важнейший урок писателя-зека, на его путь к обретению власти над словом, благодаря которой он смог не только выразить трагедию русского опыта, но выразить в формулах и традиции великого русско-европейского художественного и интеллектуального наследия. Солженицын стал сочинять в лагере, в этой братской могиле последних русских надежд. Его первая проза несет печать влияния классической русской литературы. Но при этом очень правильно и ценно сравнение ранней прозы писателя, сделанное проф. Майклом

Николсоном, с советской соцреалистической литературой [5].

Солженицын начал говорить о своём опыте запредельного, замогильного, ориентируясь на классические образцы великой русской литературы. Но образцы эти были взяты им, несомненно, из близлежащих её отражений в окружающей его литературной соцреалистической иллюзии. Соцреализм — это, конечно, по верному определению Евгения Добренко, и есть единственный реальный социализм. Этот виртуальный социализм был создан на бумаге с помощью художественного арсенала, заимствованного во многом у Льва Толстого. Толстовская фраза у раннего Солженицына («В круге первом», «Раковый корпус») — это толстовская стилистика сталинского «большого романа». Ажаев, Бабаевский, Панова, Фадеев — ряд этих «толстовцев», создавших сталинский роман, можно продолжить. Читать их произведения невозможно. Как невозможно нормальному человеку существовать при сталинском социализме. Однако их подчёркнуто схематичный псевдотолстовский художественный стиль у Солженицына оживает, набирает обороты, и вдруг с какой-то страницы его романов начинаешь забывать о стиле. Просто погружаешься в человеческий напряжённый опыт духа, в настоящую литературу образов, в живую мысль и чувство. Этот эффект заработавшей литературной фразы, уносящей из литературы в бытие, происходит оттого, что стиль преобразуется правдой, честной правдой, соотносимой только с сердцем и опытом. Вот таким же чудесным образом у Солженицына начинаются вновь все главные темы расстрелянной русской реальности. Начинаются от честного переживания правды.

От искры правды зародилось у нас в оттепель очень многое именно с Солженицына. Перефразируя крылатое слово Блока, можно упомянуть здесь «весёлое имя — Солженицын!»

То, к чему он прикасался в деле культуры и мысли, воскрешалось, искрилось, начинало работать и жить самостоятельно. А то, что он где-то не разглядел или упустил, — этого никто из живущих под солнцем не избежал. Дальнейшее зависит от нас, наследующих его творческим заветам и жизненному делу.

1. *Тредголд Дональд*. Интеллектуальные предшественники Солженицына//Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1917–2008: сб. ст. М.: Русский путь, 2010. С. 244.
2. *Махони Дэниел*. Солженицын-мыслитель//Там же. С. 42, *Махони Дэниел*. Возвыситься над современностью: «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни»//Там же. С. 114.
3. *Махони Дэниел*. Апофеоз личности: Солженицын об «антропоцентризме» и истоках современного кризиса//Там же. С. 212.
4. Автору доклада неизвестно, когда конкретно великий русский писатель впервые обратился к творчеству великого основателя оригинальной русской философии, каким является В. Соловьёв. Но представляется несомненным влияние на А.И. Солженицына таких ярких соловьёвцев, как Н. Бердяев, о. Сергей Булгаков и, шире, авторы «веховского» круга. Влияние это особенно мощно проступает в статьях писателя в сборнике «Из-под глыб» (1974).
5. *Николсон Майкл*. Солженицын как «социалистический реалист»//Там же.

Уже не впервые при описании большевицких репрессий приходится слышать от студентов: «При Николае II было то же самое»...

Антон Васильев

Царские застенки

ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Осенью 1901 года партия социалистов-революционеров, признавшая индивидуальный террор важнейшим средством борьбы за свержение царского режима, выделила из своей среды специальную Боевую Организацию, по инициативе и при возглавлении её Григорием Гершуни, евреем по происхождению.

Его личное свидетельство о сверхчуждом отношении императорских властей к нему самому является опровержением распространённой на Западе легенды об особо бесчеловечном отношении к евреям, обращение с которыми «царских опричников» было совершенно тождественным, что и со всеми другими представителями российских народов.

Из журнала «Часовой», 1976 г.

« — Ваша фамилия — Гершуни?

— Вам лучше знать.

— По закону арестованному в течение 24-х часов должны предъявить обвинение. Угодно ли вам будет назвать себя?

— Нет-с, неудобно. А вот не угодно ли будет «представителю закона» объяснить арестованному, почему его арестовали агенты, не знавшие его?

— Вы привлекаетесь по обвинению в принадлежности к партии социалистов-революционеров и Боевой Организации, в участии в убийстве министра Сипягина и губернатора Богдановича, в покушении на обер-прокурора Победоносцева.

— Были ведь ещё покушения на Оболенского и фон Валя, заодно бы уже! Я могу идти к себе, не правда ли?

— Тут постановление о заключении вас под стражу. Вы подпишете?

— Попробую посидеть без подписи. Авось не выселят.

— Значит, вы от показаний отказываетесь совершенно?

— Да, похоже на то».

...В таких наглых тонах, в своей книге «Из недавнего прошлого», вышедшей в Париже в 1908 году, Григорий Гершуни повествует о своём первом допросе, произведённом в Жандармском управлении генералом Трусевицем, товарищем прокурора Судебной палаты по секретным делам.

Арестованного доставили в Петропавловскую крепость. Гершуни записывает:

«Явился заведующий арестантскими помещениями, полковник Верёвкин, объяснять права и обязанности.

— Писать родным можно?

— Два раза в неделю.

— Свидания?

— Как же, как же! По вторникам и субботам. Заявлений никаких не имеете?

— Нет, не имею».

Убийцу защищал знаменитый адвокат Карабчиевский. Приговор — смертная казнь через повешение.

Даже в человеколюбивой царской России безнаказанно убивать министров не полагалось. На следующее утро после приговора в камеру осуждённого явился представитель министра внутренних дел, вице-директор Макаров, с уговорами подать прошение о помиловании. Гершуни отказался, напомнив, что это считается у революционеров позором.

— Вы меня извините, но я по человечеству не могу оставить это дело в таком положении. Я знаю, вы не послушаетесь, я вас должен предупредить: решено вызвать ваших родных, поручить им склонить вас.

...Гершуни прошение о помиловании так и не написал. Арестован он был в 1903 году, а в 1908-м уже выпустил книгу «Из недавнего прошлого», из которой приведены эти цитаты. Собственно говоря, все 250 страниц этой отвратно-тенденциозной книги являются невольным дифирамбом императорской России.

После «насильного» помилования Государем Императором Гершуни был переведён в Шлиссельбургскую крепость. Там кровавый гнёт показал себя полностью.

«За двадцать лет заключённые, конечно, накопили массу всевозможных вещей. В мастерских работали годами. Делали шкафы, стулья, этажерки, вешалки, сундуки, всевозможные коллекции, гербарии, набивали чучела и пр., и пр. Всё это скапливалось в камерах, и последние (в Петропавловке я бывал туристом, «одиночки» там — поболее моей гостиной. — А. В.) производили впечатление кабинетов учёных.

Мы не чувствовали никаких лишений: у нас был недурной стол, книги, прибавили по полбутылки молока в день на каждого... Приближалось Рождество. Обыкновенно в первый день устраивали праздничный обед: по кусочку утки или гуся и кое-каких сладостей: несколько апельсинов, яблок и полфунта винограду. Эконом явился к старосте спросить, что мы желаем: гуся или утки?»

Но иногда сатрапы и душители свободы распоясывались.

«Настал первый день Рождества. Гусь, каша, пирог, — как будто ничего, — довольно жирные. Но вот

*Гершуни и Каплан в Акатуе.
Измощённые лица*

судок со сладостями. Дрожащей рукой поднимаешь крышку — и весь холодаешь: один апельсин, одно яблоко, виноград жалкий, шоколаду совсем нет!..

С трудом дожидаясь, пока отопрут камеры на прогулку. Может быть, тут ошибка какая? Может быть, это только тебе, так случайно попало, а у них “показатель” утешительный?

Уже издали видишь, что ошибки никакой нет. Лица у всех понурые.

— Один апельсин?

— И у тебя шоколаду нет? — Нет! А яблоко тоже одно?

— Одно! И виноград скверный!..

Грустные и унылые расходятся по камерам. Но вот, на завтра к обеду вахмистр подаёт два громадных апельсина!.. На третий день та же история: два больших апельсина, да ещё коврижки какие-то!»

Напомним, что сидельцами этой богадельни были убийцы министров, губернаторов, а иногда и членов Императорского Дома.

«Террора хотели и ждали, — вспоминал в своей книге “Борьба за свободную Россию” В. Л. Бурцев. — Против террористов, если и негодовали иногда, то только за то, что они действовали неудачно или совсем не действовали. Известия о попытках царубийства и убийствах таких лиц, как Судейкин, а потом Плеве, встречались с нескрываемой радостью. Навстречу террористам и революционерам вообще шли многие, ничего с ними общего не имеющие».

Из воспоминаний Бориса Савинкова: «Маня Школьник была хрупкая девушка с бледным лицом. Она говорила с заметным еврейским акцентом и в разговоре сильно жестикулировала. В каждом слове её и в каждом жесте сквозила фанатическая преданность революции».

В январе 1906 года «хрупкая девушка с бледным лицом» и «человек невысокого роста, с чёрными волосами и с чёрными еврейскими, печальными глазами» Арон Шпайзман, совершили покушение на черниговского губернатора Хвостова. Одна бомба не разорвалась, другая губернатора ранила. Арона Шпайзмана повесили, а Мане Школьник смертную казнь заменили двадцатью годами каторги. Заключение Школьник отбывала в Черченском горном округе Забайкалья. Вначале Мария находилась в Акатуевской каторжной тюрьме.

В 1907 году, после побега Гершуни с каторги в бочке с капустой в Японию (как же штыком не прошмонали-то? — А. В.) политические женщины были переведены из Акатауя в Мальцевскую тюрьму.

В 1910 году Маня Школьник серьёзно заболела, и ей потребовалась операция, которую в условиях Мальцевской тюрьмы сделать было невозможно. С большим трудом было получено разрешение отправить Школьник в больничный корпус Иркутского тюремного замка. Однако и иркутская тюремная больница оказалась непригодной для операции. Иркутские товарищи хлопотали о разрешении сделать террористке операцию в одной из городских больниц, но тюремная администрация согласия на это не дала.

(По нашим временам это — как Салмана Радуева в «Склиф» положить. — А. В.)

Тогда Школьник написала известному иркутскому доктору И. П. Михайловскому. Иван Павлович согласился прооперировать Марию Марковну и пришёл в больничный корпус тюремного замка с двумя коллегами, принеся с собой инструменты и всё необходимое.

Подлечившись, Маня сбежала из больницы — попросту пролезла под воротами (а где же «тревога, и выстрел, и вниз головою...»? — А. В.) Снаружи уже ждали пролётка, парик и мужская одежда. Под видом сестры милосердия переселенческого поезда Школьник добралась до Харбина, а там и до Америки.

Железного занавеса-то не было...

По мемуарам члена РСДРП А. Локермана, в ростовской тюрьме в 1900-е политические обитатели одиночных камер (в которых, кстати, сидели и по двое, и по трое из-за отсутствия мест) целые дни проводили у окон, общаясь с родственниками, а вечерами пели хором.

В одесской тюрьме в 1907 г. политические заключённые, пользуясь самодельными отмычками, свободно открывали двери камер, посещали друг друга и даже оставались на ночёвку в других камерах. В тюрьме

Царский конвой фотографируется без предупреждения

действовала общественная комиссия (!!!) из представителей всех политических партий.

В некоторых Нерчинских каторжных тюрьмах до 1909–1910 гг. сохранялись определённые непреложные для политических «свободы»: политики жили отдельно от уголовных, имели ряд исторически сложившихся привилегий: они не принуждались к труду, к ним не применялись те формальности, с которыми сталкивалась каторга уголовная и так далее. С утра камеры открывались, уголовные уходили на работу за ворота тюрьмы, в мастерские или на огороды, а «политика» была предоставлена самой себе.

Тот же каторжный Горный Зерентуй был даже в 1907–1909 гг. «отбитой» тюрьмой: камеры стояли открытыми, вся жизнь «политиков» была хорошо организована в так называемый коллектив и коммуны.

Политические каторжных тюрем в Российской империи (это касалось даже центральных тюрем с особым режимом, вроде Шлиссельбурга) были, как правило, отгорожены от вмешательства тюремной администрации, вводилось повсеместно широкое самоуправление, которое взяло в свои руки кухню и всё питание тюрьмы, изгнало «чванство» из уголовной среды. В некоторых каторжных тюрьмах политических тюрьмах (Акатуй и др.) сложилась даже своеобразная «конституция». Все дела с начальством по обычаю велись через старосту.

Согласно журналу «Каторга и ссылка», который издавали бывшие царские каторжане в 20-е годы XX века, в период правления Николая II заключённые выписывали себе продукты питания: колбасу, грудинку, сало, селёдку, сыр, масло, творог, хлеб, баранки, яйца, чай, кофе, какао, сахар, огурцы, чеснок, горчицу, яблоки, конфеты, шоколад, печенье; табачные изделия и курительные принадлежности: махорку, табак, курительную бумагу, мундштуки, спички; письменные принадлежности: бумагу писчую и почтовую, тетради, карандаши, чернила, грифели, перья, грифельные доски и почтовые марки с конвертами; предметы

гигиены: мыло, мочалки, зубной порошок, зубные щётки; хозяйственные предметы: иголки, нитки, пуговицы, стаканы, кружки, тарелки, блюда, расчёски, гребёнки, носовые платки, носки, чулки, ложки, ножи, вилки (ножи и вилки разрешалось выписывать лицам из привилегированных сословий, выдавали их только на обед для резки продуктов).

Мужчины выписывали больше чаю, кофе, табачных изделий, письменных принадлежностей, предметов гигиены.

Женщины предпочитали сладости.

Веру Николаевну Фигнер арестовали за участие в подготовке покушения на императора Александра II, освободившего крестьян от крепостного права и собиравшегося дать России конституцию.

Из воспоминаний Фигнер «Запечатлённый труд», в 2-х томах:

«Прошёл, должно быть, месяц или полтора, когда однажды ко мне в камеру вошёл высокий пожилой жандармский генерал с лицом довольно красивым и симпатичным. «Моя фамилия Середа, — отрекомендовался он. — По высочайшему повелению я назначен для расследования политической пропаганды в войсках по всей империи».

Он взял мою руку и, несмотря на сопротивление, поцеловал её. «Вы хороший человек, — сказал он. — Ваше несчастье, что, выйдя замуж, вы не имели детей».

После этого оригинального вступления, когда мы сели, я задала вопрос, как предполагает он использовать свои широкие полномочия: думает ли создать, подобно Желеховскому, процесс-монстр и на этом сделать карьеру или, не раздувая дела, ограничиться преданием суду немногих.

«Нет, создавать большого дела я не намерен, — отвечал Середа, — суду будут преданы лишь самые деятельные».

Он так и сделал: судили по нашему делу 14 человек; из них военных было только шесть, а могли судить несколько десятков.

Потом генерал стал делать признание: он не реакционер и не сторонник существующей системы, только долги заставляют его оставаться на службе. «Если б не это, я не был бы здесь, — признавался он. — Я люблю свободу, но политическим убийствам не сочувствую. Я понимаю борьбу на баррикадах, но не удар кинжалом из-за угла».

В понедельник около 1 часа я кончила завтрак — мне прислали рябчика, грушу «дюшес» и коробку конфет. Вбежала надзирательница со словами: «За вами приехали!» В десять минут сборы были кончены; карета увозила меня в Петропавловскую крепость.

Загремел замок, и, прежде чем я успела вскочить, в камере стоял толстый, грубый офицер Яковлев в сопровождении жандарма и крепостного солдата. Не дав

мне опомниться, он начал читать документ, бывший в его руке.

Я ничего не понимала, не могла понять: сладкий сон сковывал моё тело и моё сознание. Что такое? Какие-то слова, странное бессвязное перечисление предметов... Ничего не понимаю!

— Подождите одну минуту, — закрывая глаза рукой, сказала я. — Я спала и не могу проснуться; придите немного погодя.

Через четверть часа офицер вошёл снова, снова прочёл бумагу. Я поняла».

После Петропавловки Фигнер перевели в Шлиссельбург, тюрьму особого режима. Ужасы продолжались.

«Весной нам с Л. А. дали по две грядки в огороде. Ещё задолго до того мы были сильно заинтересованы какими-то таинственными приготовлениями, скрытыми от наших взоров дощатой перегородкой: оказывается, там ставили заборы для шести огородов; они примыкали к высокой крепостной стене и оканчивались сажень в трёх от тюремного здания. На баржах была привезена где-то по дорогой цене купленная земля и в виде уже готовых гряд насыпана по огородам».

«Появление молодых всходов, пробивавшаяся повсюду зелень доставляли нам несказанное удовольствие, а когда летом зацвели посаженные самими жандармами вдоль забора цветы, мы пришли в чисто детское восхищение. Мы страшно соскучились по траве, по полям и лугам, и клоч зелени вызывал совершенно неожиданно приятную волну чувств в нашей изголодавшейся душе; каждая былинка была нам дорога».

«В 1894-м году, когда отсутствие необходимого чтения особенно тяготило нас, я... обратилась к коменданту Гангардту с просьбой, не найдёт ли он возможным, ввиду крайнего недостатка книг, взять для нас несколько абонементов в какой-нибудь из петербургских библиотек, с тем, чтобы жандармы могли по этим абонементам брать, привозить и отвозить нам книги и учебные пособия.

Через несколько дней мы получили каталог, а потом — целый ящик книг по нашему выбору.

Велика была радость!»

«Морозов как-то узнал от доктора, что в Петербурге существует подвижной музей учебных пособий с богатыми коллекциями по разным отраслям естествознания. Доктор даже приносил ему несколько коробок с окаменелостями из этого музея.

Лукашевич, Морозов и Новорусский особенно интересовались естественными науками, а я уже несколько лет старалась наверстать в отношении их то, что было мной упущено при изучении медицины в Цюрихе. Мысль доставать по абонементу из музея различные коллекции, столь необходимые при занятиях естествознанием, соблазняла нас,

и мы решили добиваться разрешения пользоваться ими.

С той поры, почти в течение четырёх лет, доктор Безроднов оказывал нам незабываемые услуги, служа посредником между нами и музеем.

Каждые две недели он привозил (и отвозил обратно) целые ящики со всевозможными учебными пособиями. Мы имели возможность постепенно пересмотреть богатые коллекции музея по геологии, палеонтологии и минералогии; приборы по физике; гербарии, препараты по гистологии и зоологии — словом, мы воспользовались всеми богатствами, которые только имел музей».

То есть царил такой же беспредел, как и у Гершуни в Петропавловке.

«Задолго до этих дней (именин Фигнер и её соседки. — А. В.) всё мужское население тюрьмы облагалось налогами и добровольно постилось: собирался сахар, копилось масло, рис и селёдка. Из огородов брались наилучшие овощи, срывались грибы, если они появлялись на гнилушках, и т. д. Затем всё это перерабатывалось импровизированными поварами по строго обдуманному плану. Похитонов брал кусок цветной папки, рисовал толстых купидонов, трубящих в рог, и чётким почерком писал меню. ... Там морковь называлась непременно "carotte", а репа — "rave"; были "entremets" и "dessert", и по всему было видно, что автор не только читывал карту кушаний в ресторанах, но частенько пользовался ею и на практике. Так устраивалось то, что департамент полиции, быть может, и не иронически, называл "фестивалями"...»

Пели, вероятно, хором: «Мрёт в наши дни с голодухи рабочий...»

После тюрьмы и ссылки Фигнер разрешили уехать за границу для лечения. В 1915-м она вернулась, жила в Нижнем под надзором полиции, но её брат, солист Императорских театров, выхлопотал ей разрешение жить в столице!

Иосиф Виссарионович Джугашвили совершил шесть побегов из туруханской ссылки. Водворяли каждый раз на прежнее место.

Как-то к Сталину решил заехать Свердлов, поболтать о том, о сём. Аверченко пополам с Хармсом.

«Тайком от стражников, зимой, мы вместе с Суреном Спандарьяном поехали в Курейку к Сталину. Нужно было разрешить ряд вопросов, связанных с происходившим тогда судом над думской фракцией большевиков и с внутривнутрипартийными делами.

У самого Енисея на небольшой возвышенности виднелся деревянный дом, занесённый снегом. Здесь жил Сталин. Мы подъезжали. Собаки, завидев впереди жильё, бежали во всю прыть. Из домиков выбежали люди. Навстречу нам вышел Сталин. Местные жители с любопытством рассматривали полярных путешественников. Из соседнего домика лениво вышел стражник, медленно и важно подошёл к нам...» (Даже «Документики!» не сказал?! Ну, приехали — и ладно... — А. В.).

«У нас с Иосифом была радостная, тёплая встреча. Мы не успели снять с себя тёплую полярную одежду, как Иосиф куда-то исчез. Прошло несколько минут, и он снова появился. Иосиф шёл от реки и на плечах нёс огромного осетра. Сурен поспешил ему навстречу, и они внесли в дом трёхпудовую живую рыбу».

Владимир Ильич Ульянов, отсидев за антиправительственную деятельность 14 месяцев и узнав, куда будет отправлен в ссылку, написал матери: «Лето я проведу, следовательно, в “Сибирской Италии”, как зовут здесь юг Минусинского округа».

Итак, 8 мая 1897 года Владимир Ульянов прибыл в богатейшее село, расположенное в живописной местности с благодатным климатом, село, торговавшее скотом, хлебом, кожами. К этому времени в Шушенском было 250 домов и проживало около 1 400 человек.

Первое, что будущая тёща сказала ссыльному при встрече: «Как вас разнесло-то!» Ильич в Шушенском хорошо питался и вёл здоровый образ жизни: регулярно охотился, ел свою любимую сметану и прочие крестьянские лакомства. Н. К. Крупская, прибыв в Шушенское со своей матерью (из-за чего Ильичу пришлось переехать из дома Зырянова в дом Петровой, в лучшую квартиру, которую опять-таки оплачивало царское правительство!), писала позднее:

«Так живо встают перед глазами те времена первобытной цельности, радости существования. Все какое-то первобытное — природа, щавель, грибы, охота, коньки, тесный близкий круг товарищей-друзей, совместные прогулки, пение, совместное какое-то веселье...»

В другом письме она же: «А за Енисеем чудо как хорошо».

И Владимир Ильич, и Надежда Константиновна, и её мама были людьми, абсолютно не приспособленными к жизни в деревне. Интеллигентско-дворянское их нутро проявлялось во многом. К примеру, надо было наколоть дров, истопить печь, нагреть воду для умывания и т. д. Ну, кто это будет делать? Ленин нанял

местную девчущку, которая за 1 рубль в месяц делала всю тяжёлую работу, а спала в маленькой клетушке. Зато вечерами иногда Надя почитывала ей книжки.

Ограничения для ссыльных, конечно, были. Однако во время праздников можно было уезжать и за 50, и за 100 вёрст. Жили они на деньги царского правительства весьма вольготно. Недаром многие ссыльные, да и Ленин тоже, называли эти места Сибирской Италией, Сибирской Швейцарией. «Секретное дело» Ленина действительно было в волостном управлении, но он мог туда ходить или не ходить. Главным в правилах для поднадзорных было: в обычные дни не уезжать или не уходить из села на расстояние более полутора вёрст.

«Он ужасно поздоровел, и вид у него блестящий сравнительно с тем, какой был в Питере», — сообщала Крупская Марии Александровне Ульяновой в письме от 22 мая 1898 года. Пожив немного в Шушенском, она сама должна была откровенно признать, что их ссылка действительно одно только удовольствие. Они ездят в гости к другим ссыльным и принимают их у себя, получают через родных русские, немецкие, французские книги, нелегальные издания, журналы и газеты. Ленин ведёт обширную политическую переписку, составляет книги, пишет статьи в журналы и революционные брошюры для издания в Женеве. «Вообще теперешняя наша жизнь напоминает “форменную” дачную жизнь, только хозяйства своего нет. Ну, да кормят нас хорошо, молоком поят вволю, и все мы тут процветаем» (письмо Крупской от 26 июня 1898 года).

«Дешевизна в этом Шушенском была поразительная, — писала Крупская. — Например, Владимир Ильич за своё “жалованье” — восьмирублёвое пособие — имел чистую комнату, кормёжку, стирку и чинку белья — и то считалось, что дорого платит... Правда, обед и ужин был простоват — одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест — покупали на неделю мяса, работница во дворе — в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, — тоже на целую неделю... В общем ссылка прошла неплохо».

В добавление к «простоватому» обеду, со стола не сходили утки, зайцы, тетерева, куропатки, дупеля, подстреленные Ильичом у берегов Енисея.

...Стране оставалось 19 лет жизни.

Гершуни Г. А. Из недавнего прошлого. Париж: Изд. ЦК ПСР, 1908.

Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию (Мои воспоминания).

Швейцер В. Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщицы. М., 1940.

Орлов М. П. Об Акатуе времен Мельшина. Доклад, прочитанный автором на заседании Нерчинского землячества Общества политкаторжан 12 апреля 1928 г.

Локерман А. По царским тюрьмам//Каторга и ссылка. 1926. № 1 (22).

Ядов. Тюремные сидельцы//Каторга и ссылка. 1923. № 5.

Маланкин А. В государевых тюрьмах. Развитие института содержания под стражей в дореволюционной России//Неволя. № 4.

Содержание политических заключённых в пенитенциарной системе Империи в 1870–1917 гг.

Блехман М. (Кливленд) Ленин в Шушенском (Из дневниковых записей).

Двадцать лет назад, 2 января 1991 г., была произведена либерализация цен — переход к свободному ценообразованию, основе экономической реформы в постсоветской России.

К концу 1991 г. золотой запас СССР составлял 289,6 тонны. (Царское правительство после двух с половиной лет войны сохранило к февралю 1917 г. 1 300 тонн золота.) Затребованная группой Е. Т. Гайдара справка о положении на середину ноября 1991 г. гласила: «Продажа мясопродуктов, масла животного, масла растительного, крупы, макаронных изделий, сахара, соли, спичек, табачных изделий, алкогольных напитков, мыла хозяйственного, туалетного и других производится, в основном, по талонам и по мере поступления этих товаров в торговую сеть... Молоко имеется в продаже в течение не более часа. Масло животное продаётся по талонам из расчёта 200 гр. на человека в месяц. Талоны не обеспечены ресурсами...» К концу ноября, за семь месяцев до нового урожая, в распоряжении государства остался примерно двухмесячный запас зерна. Группа Гайдара сделала для себя вывод: ситуация безжалостно диктует выбор предельно конфликтного, рискованного сценария начала преобразований. Но в 1992 г. внутренний рынок страны в короткий срок наполнился товарами широкого потребления, пока ещё иностранного производства. Была одержана убедительная победа над товарным дефицитом, бывшим постоянным символом советского образа жизни.

Постоянный автор «Посева» и многодесятилетний член НТС Ростислав Владимирович Полчанинов поделился своими воспоминаниями об экономических преобразованиях в послевоенной Германии.

Подобное об этой и других темах можно прочесть в книге Р.В. Полчанинова «Молодёжь Русского Зарубежья. Воспоминания 1941–1951», изданной нами в Москве в 2009 г.

Ростислав Полчанинов

Денежная реформа 1948 года в Германии

«Береги белые деньги про чёрный день» — эта народная мудрость была написана крупными буквами в моей сербско-хорватской хрестоматии, по которой я готовился дома к поступлению в гимназию.

Будучи уже гимназистом и просматривая старые журналы времени Первой мировой войны, я наткнулся однажды на такой каламбур — «береги чёрные деньги про белый день». Я не понял глубокого смысла этого нового изречения и не обратил на него внимания. Понял я всю мудрость этих слов и вспомнил о них только 20 июня 1948 г. — в день денежной реформы в Германии.

Проиграв Первую мировую войну, Германия создала комитет по изучению опыта этой войны. Разразившаяся вскоре после конца войны дикая инфляция нанесла немалый вред германской экономике. Комитет разработал план по борьбе с инфляцией и чёрным рынком. Подробности, вероятно, были мало кому известны, но, живя в Германии в годы войны и в первые послевоенные годы, можно было кое-что понять и кое о чём догадаться.

В Берлине мне говорили, что в первый день войны все магазины были закрыты и был составлен полный список товаров, которые со следующего дня можно было получать только по карточкам, продовольственным, табачным или иным, или по особым разрешениям на приобретение тех или иных товаров (Bezugschein), а цены были заморожены. Карточки были заранее отпечатаны и хранились у партийных руководителей в пакетах, которые они должны были вскрыть в первый же день войны. Всё было продумано и организовано.

И не только цены. Журналы и газеты, которые, как известно, существуют не столько за счёт прода-

жи, сколько за счёт объявлений, получали и дальше платные объявления фирм, которые в них больше не нуждались, но, согласно плану, должны были продолжать давать объявления и платить за них. Журналы должны были выглядеть такими же, какими они были до войны. То же было и с витринами магазинов. Журналы без привычных объявлений или пустые витрины не должны были портить людям настроение.

Карточки выдавались на четыре недели и были полностью обеспечены товарами. Можно было купить любой товар без очередей и на несколько дней сразу. В случае отъезда можно было обменять свои карточки на так называемые «для отпускников» (Reichskarte für Urlauber).

Было запрещено продавать свежий хлеб, потому что люди съедают его больше, чем вчерашний. На каждой булке ставился день выпечки. В 1942 г. мне попались хлеба, выпеченные в 1939 г. и замороженные на случай перебоев с выпечкой. Значит, и это было предусмотрено.

Всё было предусмотрено, кроме размеров неприятельских воздушных бомбардировок, капитуляции и оккупации, но борьба с инфляцией и чёрным рынком, твёрдые цены и карточки были предусмотрены и на годы войны, и на первые послевоенные годы.

Немцам было очень трудно. Даже после конца войны положение с продовольствием продолжало ухудшаться.

Если в конце 1944 г. полагалось в неделю: 2 430 гр. хлеба, 250 гр. мяса, 220 гр. жиров, 200 гр. сахара, 175 гр. мармелада, 60 гр. сыра и 150 гр. крупы, то в январе 1946 г. полагалось: 3000 гр. хлеба, 200 гр. мяса, 100 гр. жиров, 150 гр. крупы, а сахар,

мармелад и сыр выдавался без указания количества, в зависимости от возможностей

В 1945–1946 гг., мне, как учителю лагерной русской начальной школы, немцы платили, как и немецким учителям, 231 марку в месяц. На эти деньги можно было легко выкупить все товары, полагавшиеся по карточкам, заплатить за квартиру и за всё прочее, продававшееся по твёрдым ценам, и даже купить кое-что на чёрном рынке или положить на сберегательную книжку.

На некоторые товары, которые не считались первой необходимостью, цены были свободными, а значит, довольно высокими. Если обыкновенная открытка стоила 10 пфеннигов, то раскрашенная вручную продавалась за 2 марки, а какие-то примитивные игрушки стоили 7 марок. Одежды, хороших игрушек, детских книжек с картинками, граммофонных пластинок и многого другого в продаже вообще не было. Но всюду были пункты для обмена, с очень медленной и сложной системой. Помню, как я принёс в такой магазин несколько немецких граммофонных пластинок и указал, что хотел бы получить за них куклу или детскую книжку с картинками. Ждал несколько месяцев, но в конце концов получил желанную книжку для дочки.

На наших глазах город Кассель вставал из развалин. Первым делом было восстановлено движение трамваев, но ходили они не везде. Чтобы попасть с железнодорожной станции, которая была в центре города, на окраину в Маттенберг, где был ДиПи (DP — Displaced Persons — перемещённые лица — граждане СССР, оказавшиеся в Европе во время Второй мировой войны — *Ред.*) лагерь, надо было ехать трамваем сперва до места, где ещё не были восстановлены рельсы, потом идти какое-то расстояние пешком и снова садиться в трамвай.

В здании разрушенного Дрезденского банка силами самих служащих была оборудована канцелярия, появилась вывеска, и банк возобновил свою работу. Несколько фотографов открыли свои фотоателье. Один фотограф на витрине выставил фотографии Пскова. Я зашёл к нему, сказал, что я пскович, и попросил сделать для меня копии. Немец с интересом меня выслушал, вспомнил свою службу во Пскове и охотно согласился отпечатать для меня свои снимки. Я ему предложил свои псковские негативы. Он кое-что отобрал и скопировал для себя. Я спросил, нельзя ли мне достать у него плёнку для моего аппарата, и он мне её продал по твёрдой цене. Конечно, я ему в следующий приезд привёз в подарок банку с мясными консервами.

У меня была фотооткрытка псковского собора. Я её показал немцу и спросил, не мог ли бы он отпечатать какое-то количество таких же фотооткрыток. Он мне подробно рассказал, что он получает ровно столько фотоматериалов, чтобы как-то удовлетворить нужды клиентов. Поэтому об издании фотооткрыток и думать нельзя, но почему бы

мне не издать открытки типографским способом? И он мне дал адрес мастерской, где можно было бы заказать клише, добавив, чтобы я сослался на него и принёс, конечно, подарок.

С заказом клише было несколько сложнее. Мастер принял и заказ, и подарок, но сказал, что надо будет ждать получения новой партии цинка. Он взял мой адрес и обещал сообщить, когда можно будет приехать за заказом.

Ждать пришлось месяц, если не больше, но клише было получено. Адрес типографии в ближайшем от Менхегофа городке я получил от немца, работавшего наборщиком в «Посеве». И в этот раз надо было сказать, кто дал адрес, и принести подарок. Я отпечатал 500 открыток. Одни были без надписей, на других было написано на лицевой стороне «Христос Воскресе!» или «С Рождеством Христовым». На обороте по-русски и по-немецки: «Псков. Троицкий собор. 1699». В Менхегофе открытки поступили в продажу в начале января 1947 г., продавались по 1 марке и шли неплохо. Я решил тогда выпустить ещё одну пасхальную открытку по рисунку Е. Бём, взятому из журнала, с надписью «На здоровье кушай, никого не слушай, на то и праздник». Буквы не были достаточно чёткими, немец их слегка отретушировал, и получилась «кхшай никого не слушай».

Где-то в Касселе был чёрный рынок. Известно, что среди менхегофских работников ЮНРРА (UNRRA — United Nations Relief and Rehabilitation Administration — Международная организация помощи беженцам в странах, занятых западными союзниками — *Ред.*), в конце 1945 нашлись жулики, продававшие на чёрном рынке кое-что из присылавшегося для нас. В своих воспоминаниях К. Болдырев писал: «23 ноября я подал обстоятельный рапорт региональному директору ЮНРРА Макганигелу с приложением убийственных документов, отражающих все беззакония, злоупотребления, хищения и безобразия, творившиеся группой работников ЮНРРА в лагере Менхегоф» [1]. Провинившихся убрали, и их дальнейшая судьба неизвестна.

С чёрным рынком боролись и американцы, и немцы, но он процветал. У ДиПи в Баварии были связи с чёрным рынком, и я, бывая в Мюнхене, покупал в магазинчиках ДиПи лагеря Шлейсгейм бумагу для ротатора по завышенной цене.

Однажды, будучи в Мюнхене, я увидел объявление о выставке книг, с указанием, что каждый посетитель сможет купить себе две книги на выбор. Я решил пойти на выставку, не ожидая от неё ничего особенного. То, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Такое качество бумаги и многоцветной печати я увидел впервые. Ни в Югославии до войны, ни в Германии в годы войны я ничего подобного не видел. Было ясно, что на месте разрушенных типографий немцы успели в короткий срок построить новые, с самыми современными машинами. Было ясно, что всё делается по какому-то плану, и, если судить по книжной продукции,

то с большим успехом. Было ясно, почему многие книги были напечатаны по-английски. Они предназначались на продажу за твёрдую валюту. Но зачем было напечатано немалое количество не поступивших в продажу книг по-немецки? Это мне не было ясно. Я купил для дочки по твёрдым ценам две замечательные детские книжки, а зачем такие книги печатались не для продажи, я понял потом, после денежной реформы.

Все крупные немецкие города были разрушены. Машины из уцелевших фабрик были вывезены в счёт репараций, главным образом в Советский Союз. (В США и Великобританию тоже вывозились и техника, и специалисты.) Мало того, что надо было всё начинать от нуля, нужно было ещё и расчищать развалины, и вывозить куда-то мусор.

Говорят, что Германию на ноги поставили американцы по плану Джорджа Маршалла. Это не совсем так. План был предусмотрен для всей Европы и одобрен правительством США только 13 июня 1947 г., т. е. два года после конца войны. А эти два года немцы работали по своему плану и только в последний год перед денежной реформой почувствовали помощь США.

Др. Ларри Бленд — историк из фонда Дж. Маршалла — однажды сказал: «Главным стимулом к плану Маршала был страх перед хаосом... Плюс пугали успехи коммунистических партий во Франции и Италии» [2].

Сразу после конца войны мелочь стала заметно исчезать из обращения, хотя в первые четыре месяца 1945 г. было отчеканено около 26 миллионов монет в 1 пф. и около 12 милл. монет в 10 пф., а после конца войны и до денежной реформы в 1948 г. ещё около 6 милл. в 1 пф., около 25 милл. в 5 пф. и около 36 милл. в 10 пф. Население все эти миллионы монет прятало «про белый день». В магазинах сдачу давали почтовыми марками, а иногда давали расписки. Частным лицам или городским самоуправлениям выпускать мелкие денежные знаки (Notgeld) было запрещено, так как после конца Первой мировой войны в Германии нотгельд для спекуляции выпускали все кому не лень.

Немцы помнили денежную реформу 1923–1924 гг., когда обменивалось неограниченное количество старых денег из расчёта одна новая марка за один биллион старых марок. Чёрные разменные монеты военных лет, потерявшие всякую ценность из-за инфляции, сохранили после денежной реформы свою номинальную стоимость и выросли в цене в биллион раз. Немцы надеялись, что то же самое повторится и после 1945 г., но были сильно разочарованы.

Опыт Первой мировой войны дал возможность Германии введением твёрдых цен и борьбой с чёрным рынком успешно бороться с инфляцией. В Германии в 1939–1948 гг. было две экономики. Одна — с замороженными ценами и карточной системой, и вторая — теневая, с небольшим чёрным рынком, на котором пачка папирос стоила 100 ма-

рок, а пишущая машинка 2 000 марок. Других цен я не помню.

Денежная реформа была проведена неожиданно, и днём, когда старые деньги потеряли свою стоимость, было объявлено воскресенье — 20 июня 1948 г.

За несколько дней до 20 июня был проведён обмен старых денег на новые. Обмену подлежало ограниченное количество денег — не больше 400 марок на взрослого человека из расчёта 1:10. Слышал, что деньги в сберкассах были заморожены и не входили в сумму для обмена. Они были обменены из того же расчёта, но значительно позже. Да и обмен 400 марок был сделан не сразу. К 20 июня все жители Германии на руки получали только 20 марок, ровно столько, сколько стоили продукты питания на неделю. Наличные деньги свыше 400 марок не менялись. Тысячи марок, заработанных на чёрном рынке, пропали. Разменные монеты не сохранили своей нарицательной цены. Единственный выигрыш был в том, что разменные монеты и бумажные деньги в 1 и 2 марки не подлежали обмену, а продолжали хождение, но из того же расчёта 1:10. Немцы были возмущены и говорили, что американцы их ограбили, но возмущались только первую неделю, до получения жалования в полноценных марках.

Пустовавшие ранее магазины в понедельник, 21 июня ломались от товаров, но первую неделю покупателей было очень мало. Кое-кто из ДиПи, получавших в лагерях продукты питания бесплатно, могли себе позволить сразу же купить одежду или игрушки для детей. Когда я у кого-то увидел плюшевого мишку, я поспешил в Кассель, но это уже была вторая неделя и немцы уже успели раскупить всех мишек. Мне любезно предложили записаться на очередь и прийти через неделю. Тут, в детском отделе, я увидел и все те детские книжки, которые я видел в Мюнхене на выставке, и понял, что они печатались именно для послереформенных дней.

Реформа, проведённая в Западной Германии может быть образцом перехода от плановой военной к свободной рыночной экономике. Она удалась потому, что первые три года сохранялись продовольственные карточки и твёрдые цены и что новые «дойчмарки» оказались обеспеченными товаром. К тому же покупательная возможность у населения в первую неделю была ограниченной, и потому неделя переходного периода прошла исключительно благополучно.

Денежная реформа была по-разному проведена в Западной и Восточной Германии. В Восточной Германии были обменены у населения все деньги, без ограничения. Коммунисты вначале пробовали использовать это для пропаганды, но вскоре выяснилось, что покупательная способность западной «дойчмарки» намного превышает покупательную способность восточных «дойчмарок».

1. Болдырев К. В. Менхгоф — лагерь перемещённых лиц (Западная Германия)//Вопросы истории. М., 1998. № 7. С. 135.

2. Поздняк В. Юбилей плана Маршала//Новое русское слово. Нью-Йорк., 2007, 6 июня. С. 3.

Сергей Порохин

Военный теоретик и боевой генерал-лейтенант А. К. Баиов

К 140-ЛЕТИЮ

Алексей Константинович Баиов (1871–1935), генерал-лейтенант, профессор, выдающийся русский военный учёный и историк, автор многочисленных работ по военной истории.

Он родился в семье генерала, командира дивизии Константина Алексеевича Баиова в Умани. А. К. Баиов окончил Владимирский Киевский кадетский корпус (1888), Императорский Археологический институт и Второе Константиновское военное училище (1890). В том же году он был выпущен в лейб-гвардии Егерский полк поручиком [1]. Служа в полку, Баиов серьёзно занялся изучением вопросов военной истории. Так, в 1893 г. он издал свой первый труд: «Лейб-Гвардии Егерский полк. Историческая памятка для нижних чинов». В 1899–1900 гг. издал «Памятку по тактике для унтер-офицеров пехоты».

Императорскую Академию Генерального Штаба А. К. Баиов окончил в 1896 г., продолжил службу в Виленском военном округе. Во время своей службы Баиов пишет выдающееся исследование: «Русская армия в царствование Императрицы Анны Иоанновны. Война с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года», за которое в 1901 году удостоивается Николаевской академией Генерального штаба большой премии им. Генерала Леера [2]. Затем с 1902 г. дальнейшая служба Баиова была связана с Николаевской академией. С чина подполковника он последовательно занимал ряд должностей по Генеральному Штабу. В 1904–1914 гг. Баиов, как указано в дореволюционной Военной энциклопедии И. Д. Сытина, являлся «правителем дел Академии Генштаба» [3]. А уже с 1906 г. Баиов стал профессором в той же академии по кафедре «Русского военного искусства», являясь продолжателем дела Д. Ф. Масловского, А. З. Мышлаевского и будущего Начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего а потом и Верховного Главнокомандующего в I мировую войну М. В. Алексеева. «Будучи профессором А. К. Баиов также читал лекции по истории военного искусства в Михайловской артиллерийской академии, а в Интендантской академии лекции по стратегии. Труды Баиова печатались в «Военном Сборнике», «Русском Инвалиде», он был одним из главных устроителей Суворовского музея в Санкт-Петербурге, состоял учредителем военно-исторического общества. Он создал в 1910 г. и редактировал академический журнал «Известия Императорской Военной Академии», вплоть до его закрытия в 1914 году. Сам Государь Император Николай II называл Профессора А. К. Баиова «столпом академии» [4]. В те же годы А. К. Баиов также продол-

жал публиковать ряд военно-научных работ. В 1903 г. А. К. Баиов издал «Военно-географическое и статистическое описание Северной Кореи», в 1904 г. — «Приказы Миниха за 1736–1738 годы», составившие 14-й выпуск «Сборника военно-исторических материалов», издававшийся главным штабом. В 1906 г. был переиздан его труд «Русская армия в царствование Императрицы Анны Иоанновны...». Основной мотив творчества — история отечественного военного искусства. Самостоятельный путь и национальные особенности последнего всячески обосновывал и горячо отстаивал (по этой проблеме вслед за Д. Ф. Масловским создал наиболее значительные труды) [5]. В своих работах Баиов отстаивал самостоятельный путь развития русского военного искусства, подчёркивал его зависимость от социально-политической истории России [6].

В 1909 г. под руководством Баиова изданы Императорским Русским военно-историческим обществом два тома архивных документов, относящихся к полтавскому периоду Северной войны, и в том же году им начато издание «Курса истории Русского военного искусства», (по 1913 г. было издано 7 выпусков, от начала Руси до царствования Императора Александра I включительно). Историк М. Смолин отмечал: «Философский и исторический военный гений генерала А. К. Баиова создал целое направление в русской военной мысли XX века, которое современники назвали «классическим»» [7]. Ученик Баиова и его современник генерал-майор Б. А. Штейфон написал о главном труде своего учителя «История Русского Военного Искусства» такие строки: «В русской военной науке не имеется другой, столь капитальной работы» [8].

С началом I мировой войны преподаватели Николаевской Академии Генерального Штаба ушли на фронт. Генералы-профессора прибыли на театр военных действий. Генерал-майор, профессор А. К. Баиов был назначен генералом для поручений при командующем VIII армией генерале А. А. Брусилове. Сам А. К. Баиов позже писал: «Я ехал на войну не только потому, чтобы выполнить свой долг. Война интересовала меня и с точки зрения науки, как широкая возможность лично проверить справедливость военных принципов. Всю войну и при всяких обстоятельствах я оставался верным этим принципам и никогда не сожалел об этом» [9].

В том же году Баиов был назначен на должность начальника штаба 24-го, затем 6-го Сибирского армейских корпусов. Был также генерал-квартирмейстером, а затем начальником штаба 3-й армии. Был начальником 42-й пехотной дивизии, затем командиром I армейского корпуса. С 1915 г. — генерал-лейтенант.

В I мировую Баиов был награждён орденами Св. Станислава 1-й степени с мечами (1914 г.), Георгиевским оружием (1915 г.), и орденом Св. Георгия 4-й степени (1915 г.).

«После февральской революции (1917 г.) — пишет историк М. Смолин, Баиов отказывается присягать Временному правительству. (...) Его снимают с должности начальника штаба, но ставка назначает его сначала начальником 42-й пехотной дивизии, затем I армейского корпуса, а с 20 ноября по 24 декабря 1917 г. числился командующим 2-й армией» (10)

Вследствии антигосударственной пропаганде 12-миллионная Русская армия за несколько месяцев разложилась и перестала представлять боевую силу, способную защищать Отечество. Вместо боевого духа присущего русскому солдату и офицеру, у армии произошёл паралич воли. Российская Империя стала рассыпаться.

16 декабря 1917 г. А. К. Баиов вернулся в Петроград и занял должность профессора Николаевской академии ГШ. Он вёл практические занятия по тактике в старшем классе ускоренных курсов Академии. Когда светское правительство решило эвакуировать Академию в Екатеринбург, Баиов отказался, и оставшись в Петрограде, возглавлял комиссию по приведению в порядок исторического архива. Жил на даче в Гатчине, а потом перебрался в Павловск [11]. После занятия Павловска Северо-Западной Армией генерала Н. Н. Юденича в октябре 1919 г., Баиов перешёл на сторону белых. У Юденича занимал должность председателя ревизионной комиссии. «При отступлении Северо-Западной Армии А. К. Баиов ушёл с ней в Эстонию, где с 1920 г. преподавал в Таллинском военном училище, а со следующего года на эстонских курсах Генерального Штаба. По сути, генерал Баиов создал эстонское военное образование, как среднее, так и высшее, несмотря на то, что не принял эстонского гражданства. (...) В 1923 г. он становится одним из учредителей Русского клуба в Таллине, а с 1924 г. — председателем Совета старшин этого клуба. В том же году он становится во главе отделения Высшего монархического совета в Эстонии. С 1925 года и до своей смерти генерал А. К. Баиов возглавлял эстонскую организацию Русского Обще-Воинского Союза (РОВС)» — писал М. Смолин.

Баиов был также председателем Кружка ревнителей церковного благоустройства при церкви Пюхтинского подворья в Таллине. Эстонские власти преследовали людей, занимавшихся антисоветской деятельностью. Генералу приходилось содержать книжный магазин (с 1923 г.), в котором функционировала библиотека, а с 1934 г. и издательство, в целях конспирации собраний русских военных эмигрантов. Когда генерала Баиова делегировали на русский Зарубежный съезд в 1926 году в Париж, то эстонские власти поставили перед ним ультиматум: либо поездка на съезд, либо преподавание в военных учебных заведениях. Алексей Константинович отказался от преподавания ради общерусского дела [12]. Баиов был «душой общества»,

«хранителем духа и идеалов русской армии», называли его коллеги [13].

В Эстонии Баиов возглавлял также «Комитет дня Русского инвалида», учредил «Общество помощи русским увечным воинам», основал «Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии (в 1931 г.), руководил русским скаутизмом в Эстонии» [14]. «А. К. Баиов никогда не скрывал своих взглядов. Он гордился быть русским, быть православным» — писал другой генерал Императорской Армии Б. А. Штейфон [15]. Баиов отстаивал самостоятельный путь развития русского военного искусства, подчёркивал его зависимость от социально-политической истории России.

В 1920–1930-е гг. он работал над основами строительства «будущей армии», развивал тему отражения войны в общественной мысли России. Основные его работы:

Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг., Т. 1–2. СПб, 1906;

История русской армии. Курс военных училищ. Вып. 1. СПб, 1912;

История военного искусства как наука. СПб, 1912; Курс истории русского военного искусства, Вып. 1–7. СПб. 1909–1913;

Национальные черты русского военного искусства в романовский период нашей истории. СПб, 1913.

Перегруженный заботами, в расцвете творческих сил А. К. Баиов умер в Таллине 8 (21) мая 1935 г. Некролог был опубликован в журнале «Часовой» 1935, номерах № 148–150.

1. Смолин М. Генерал А. К. Баиов — историк русского военного искусства//Баиов А. К. История русского военного искусства. М.: Фонд ИВ, 2008, Т. 1, С. 11.
2. Там же.
3. Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» И. Д. Сытина. СПб: Эксполис м культура, 1995, Т. 1, С. 154.
4. Смолин М. Указ. соч., С. 12.
5. Баиов А. К. Начальные основы строительства будущей русской армии//Философия войны. М.: Анкил-Воин, 1995.
6. Советская военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1976, Т. 1, С. 367.
7. Смолин М. Указ. соч. С. 12.
8. Штейфон Б. А. Национальная военная доктрина. Профессор генерал А. К. Баиов и его творчество. Таллин, 1937, С. 92.
9. Штейфон Б. А. Указ. соч. С. 212.
10. Смолин М. Указ. соч., С. 13.
11. Там же.
12. Там же, С. 14.
13. Полководцы, военачальники и военные деятели России в Военной энциклопедии И. Д. Сытина. Т. 1, С. 154.
14. Смолин М. Указ. соч., С. 13.
15. Штейфон Б. А. Указ. соч., С. 212.

Баиов А. К. Начальные основы строительства будущей русской армии//Философия войны. М.: Анкил-Воин, 1995. (Русский Колокол — 1929, № 8; 1930 № 9)

• Историческая жизнь России на путях осуществления её материальных и духовных национальных интересов... (в 1917 г.) была остановлена и даже по-

вёрнута на много лет назад. Россия потеряла даже своё более чем тысячелетнее имя. С. 211.

- Национальный дух народа, его русская стихия, сознание своего исторического предназначения среди других народов, ощущение своей физической и моральной мощи, своей даровитости и талантливости, верная оценка своей духовной организации, отличной от таковой других народов, не сегодня-завтра заставят русский народ, сбросив всякого рода путы, его ныне связывающие, вернуться на прежний исторический путь, к решению национально-органических задач, и, прежде всего для того, чтобы возвратить России её славное и дорогое для нас имя, занять среди других государств подобающее ей место, развернуть во всю ширь её материальные возможности, дать выявиться в полной мере её духовным богатствам и, в конце концов, выполняя миссию, возложенную на неё свыше, и руководясь истинами Православия, вести человечество к духовному совершенствованию. Без борьбы внутренней и внешней, т. е. без войн гражданской и международных, добиться этих целей не представляется возможным. С. 211.

- Принципы военного искусства постоянны и неизменны, только применение их различно, в зависимости от сложившейся обстановки. Только следование принципам военного искусства и умелое применение их соответственно обстановке — приводило к боевой удаче, а нарушение принципов, забвение их приводило к неминуемому неуспеху. С. 212.

- Нашим военачальникам приходилось учиться уже на войне войною, платя за свои уроки реками безрезультатно пролитой крови. С. 213.

- Из двух свойств, которые дают возможность быть сильнейшим, наибольшее значение имеет качество, а не количество, именно оно даёт: наибольшее искусство действий владения средствами борьбы, напряжение усилий, порыв, стремительность, настойчивость, упорство, энергию, стремление к наибольшей согласованности действий. С. 214.

- Качество армии, в соответствии с природой человека, складывается из элементов материальных и духовных. К первым относятся физическое здоровье, сила и крепость каждого воина; всё необходимое для жизни армии во все периоды его существования и деятельности (обмундирование, снаряжение и т. д.) всякого рода оружие для ведения действий вообще и боя в частности; обучение отдельного бойца и целых частей различной величины; владение оружием как в одиночку, так и в совокупности; искусство выполнять раздельно и согласованно различного рода действия, вызываемые боевой обстановкой; навыки, способствующие при наименьшей затрате физической силы и энергии, выполнению всего того, что может быть потребовано на войне силою вещей, волею руководителя всяких степеней и обстоятельствами. Сюда же нужно отнести организацию войсковых частей... С. 216.

- Как бы ни были совершенны свойства человека, он не в состоянии будет использовать их на вой-

не и особенно в бою, если он потеряет способность преодолевать чувство самосохранения; как бы богаты ни были снабжены каждый воин в отдельности и вся армия в общем различного рода предметами снабжения, хотя бы и наивысшего качества, они не принесут им пользы, если воин в то же время утратит волю, духовную энергию, и твёрдость; как бы совершенно ни было в армии оружие, оно будет для неё совершенно излишне, если наряду с этим воины в бою потеряют ясность сознания и уверенность в себе; никакое умение владеть оружием, никакое умение производить различные боевые действия и никакие полезные навыки не приведут к успеху, если армия сверх этого не будет обладать храбростью, мужеством, душевным равновесием, хладнокровием, спокойствием; никакая самая лучшая организация, даже вполне отвечающая принципам военного искусства, не выполнит своего назначения, если не будет подлинной военной дисциплины. С. 216–217.

- Все материальные элементы находятся в зависимости от духовных, и первые теряют всякое значение при отсутствии или даже недостаточности вторых. С. 217.

- Нравственно слабые войска более возлагают надежд на машины, а не на себя; и когда, вследствие слабости их духа, машины перестанут производить ожидаемый от них эффект, то они бросают их и поддаются панике. С. 219.

- «Главнейшим оружием на войне является человек». Г. А. Леер. С. 219.

- Ему (генералу) необходимо обладать решимостью принять решение и решительностью его выполнить, довести его до конца; ему должна быть присуща широкая, но разумная в пределах его компетенции, активная и пассивная инициатива, т. е. он должен уметь проявлять инициативу сам и в то же время, что, пожалуй, труднее, давать право и возможность проявлять её своим подчинённым. С. 221.

- Генерал должен иметь гражданское мужество и не бояться ни юридической, ни нравственной ответственности. С. 221.

- Возможность больших потерь не должна останавливать генерала в принятии решения важного для общего дела и в приведение этого решения в исполнение с возможно большей энергией, ибо он должен помнить, что его колебания в принятии решения и его вялость в исполнении в конце концов потребуют гораздо больше усилий и приведут к гораздо большим потерям. С. 221.

- Армия в наше время не может быть не национальной. И так как армия есть важнейшее средство военного искусства, то таким образом национальный элемент, несомненно должен играть в нём определённую роль, хотя бы чисто внешнюю... С. 222.

- Военное искусство, как впрочем и все другие, национально. С. 223.

- Чтобы в военном искусстве достигнуть наибольших результатов,.. необходимо творить в нём, не отрываясь от национальной основы, необходимо сохранять его национальный характер. С. 223.

• Принципы военного искусства, очевидно, одинаковы для всех национальностей. Но вследствие различного характера мышления у разных национальностей и различного по силе и характеру проявления одних и тех же эмоций; эти одинаковые принципы воспринимаются не совсем одинаково, взаимно расцениваются и воспринимаются различно. Одна национальность применяет принципы слишком прямолинейно и узко, другая обращается с ними более гибко и смотрит на них шире. С. 224.

• Должно помнить, что дарования нашего народа, сила его умственных способностей, его большие творческие возможности, его всесторонняя талантливость, его высокие качества, вообще вся его высокая духовная организация, его исторический опыт, его обширная и многовековая практика в военном деле не должна допускать мысли, что мы, русские, в самостоятельном развитии военного искусства во всех его областях можем оказаться позади других национальностей, можем проявить меньше творчества, чем они, и, таким образом,

можем быть поставлены в необходимость только заимствовать у других, слепо подражать этим другим, и тем самым отказываться от своей самобытности. С. 225.

• Итак: 1) значение и уважение в смысле следования, применения принципов, 2) преимущественное значение качества перед количеством, 3) важность духовной стороны по сравнению с материальной, 4) первенствующее значение человека, а не машин, 5) превосходная всесторонняя подготовка начальников и 6) необходимость следования национальным путём — таковы те первичные основные положения, при наличии которых только и может естественно, самобытно и совершенно развиваться военное искусство. А раз это так, то эти же положения, как первично-основные, должны быть приняты, как безусловно обязательные при строительстве будущей русской армии, дабы она была во всеоружии для той борьбы, которую её придётся несомненно вести за существование, честь и достоинство и лучшее будущее Великой Национальной России. С. 225–226.

Георгий Вербицкий

Неудобная недоговорённость

Русский Корпус

В Белграде, Сербия, в 2009 году вышла книга «Русские в Сербии». Книга состоит из трёх частей: Взаимоотношения России и Сербии с конца XII до начала XX века; Русская эмиграция в Сербии; Россияне в Сербии — последние 60 лет и сегодня.

Главным автором надо считать А. Б. Арсеньева, хотя предисловие написано от имени составителей, которые являются авторами нескольких глав. Надо отметить, что значение книги отмечено вводным словом министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавровым и послом Российской Федерации в Республике Сербии А. В. Конозиным.

Каждая из частей полностью разработана с приложением именного указателя источников. Книгу надо считать фундаментальным трудом, и даже те, кто нашёл приют в этой стране, покинув родину в 1920-м году, или там родился, найдут им неизвестные данные о том, как складывалась беженская жизнь в течение многих лет.

Своими знаниями и трудом русские беженцы помогли Югославии-Сербии в период между двумя войнами стать европейской страной. Этот вклад описан и отмечен поимённо в соответствующих главах, так же как и организации, которые были созданы с самых ранних лет беженства и некоторые из которых существуют по сегодняшний день.

Мои замечания ограничены двумя темами — событиями, о которых я могу говорить *по личному знанию* или со слов очевидца того или иного происшествия. Первая тема — это Русский Корпус, а вторая тема — это Красная армия в Югославии.

В 1941 г., после расчленения Югославии, в оккупированной немцами Сербии был организован Русский Охранный Корпус, который официально 31 декабря 1944 года был переименован в Русский Корпус. Большинство русских эмигрантов в Югославии ранее служили в Белой Армии и не теряли надежды вернуться на родину. Вторжение Германии и её союзников в С. Союз, начавшееся 22 июня 1941 года, было воспринято как освободительная, а не как захватническая война.

Акт добровольного поступления в Русский Корпус был долгом чести и продолжением Белой борьбы, борьбы с коммунизмом, реализацией надежды вернуться на родину. Считалось, что немцы прозреют и поймут, что без русских победа над коммунизмом невозможна. Надо также отметить, что «проснувшиеся» коммунисты Югославии начали зверски убивать русские семьи в провинции, считая белых эмигрантов врагами Сталина. (Когда в апреле 1941 года немцы оккупировали Сербию, то С. Союз и Германия были еще союзниками по пакту Молотова-Риббентропа, подписанного 23 августа 1939 года.) Корпус быстро стал единственным защитником русских в Сербии. Этот факт, как и следующие заслуги Корпуса, в книге не упомянуты. После описания возникновения Корпуса «для ясности» дальнейшая судьба Корпуса полностью отсутствует. И конечно, нет ни слова о спасении Корпусом сербов, которых преследовали хорватские фашисты — усташа. Так называемая Независимая Держава Хорватия, созданная в апреле 1941 года на бывшей югославской земле, была ярким союзником Германии. Усташа, ко-

торых можно приравнять по замыслу к войскам СС, где только могли, убивали сербов. По примеру немцев, хорватское правительство также создало концлагеря для уничтожения инакомыслящих по политическим и религиозным признакам.

Приведём цитату из книги «Русский Корпус на Балканах во время II Мировой Войны», ред. В. Д. Вертепова, Нью-Йорк, 1963: «В течение лета 1942 года переброшено через реку Дрину (на сербскую сторону) и спасено от верной смерти около 10–12 тысяч сербских православных беженцев, гонимых уставами в реку и расстреливаемых. В районе Зворника в 1943 году спасено свыше 1.500 человек, а 400 раненым оказана медицинская помощь. В июле–августе 1944 года перевезено через Дрину свыше 1000 сербских детей и размещено в Бане Ковиляче». Это далеко не единственные случаи, когда Корпус с боем спасал сербов.

Когда в середине сентября 1944 года стало ясно, что Красная армия подходит к Белграду, который стал как бы островом, на котором находили убежище всё больше и больше русских, ухидивших от войны и титовцев, Русский Корпус организовал транспорт для отъезда всех желающих в Германию. С этим транспортом мог уехать любой русский, независимо от того, имел ли он какое-либо отношение к Корпусу. Те, кто остались, остались по собственному желанию или не успели добраться до Белграда вовремя. Поезд был длинный, ехали в товарных вагонах, семьями, человек по 30 и больше на вагон. Таким образом спаслось несколько тысяч русских эмигрантов от «внимания» советских органов.

С боями Корпус отступал под натиском титовцев и Красной армии через Хорватию и Словению. Отступали также сербские национальные части генералов Недича и словенского генерала Рупника. Во время оккупации в Сербии шла гражданская война. Было два партизанских движения: коммуниста Тито и монархиста генерала Дражи Михайловича, так называемые четники. Были случаи, когда титовцы нападали на четников. Генерал Недич возглавил сербское правительство во время оккупации, и его военные части были на стороне четников. В январе 1945-го года были созданы в Словении антикоммунистические военные части под командованием генерала Рупника. Конец войны застал все эти антикоммунистические соединения в Австрии, в той части страны, которую оккупировали англичане. В районе города Клагенфурт 12 мая 1945 года 4500 корпусников сложили оружие в расположении английских войск. Благодаря выдержанности, стойкости и чёткому разъяснению англичанам причин создания Русского Корпуса полковником А. И. Рогожиным, командующим Корпусом после смерти генерала Б. А. Штейфона, Корпус оказался единственным русским военным соединением, которое англичане не выдали советчикам. За Корпус также заступился английский полковник Валтон Линг, в то время высокопоставленный представитель английского Красного Креста. В Гражданскую войну он служил на стороне Белых Армий.

Первоначально Корпус был расположен в открытом поле, люди ютились в палатках, если такие были.

Рядом был лес, что позволяло строить шалаши из веток. В расположение Корпуса постоянно прибывали поодиночке и семьями россияне, спасшиеся от насильственной репатриации — выдачи — в С. Союз. Не будь Корпуса, многим бы не удалось остаться на свободе. Корпус брал всех под свою защиту. Это, несомненно, ещё одна огромная заслуга Корпуса.

Рано утром 30 октября 1945 года началась перевозка Корпуса в новопостроенный лагерь Келлерберг. Несколько десятков деревянных бараков стали приютом для корпусников и присоединившихся беженцев. Военные представители С. Союза не унимались и подавали англичанам заявление за заявлением, что корпусники прячут оружие и представляют серьёзную опасность для всех. Обыски лагеря ни разу не дали желательных результатов для советской военной миссии, и все эти провокации показывали несостоятельность обвинений.

С 3 ноября началась выдача чинам Корпуса отпускных свидетельств — «Certificate of discharge», по немецкий «Entlassungsschein» — Отпускной билет — в которых значилось, что такой-то «was discharged on 3.11.1945 from the Army — White Russian Corps» — был демобилизован из армии — Корпуса белых русских. С этим документом можно было проехать до указанного города в Австрии или Германии. Австрия и Германия были разделены на четыре зоны оккупации: английскую, американскую, французскую и советскую. Без разрешения нельзя было пересекать границы зон. Этот документ дал возможность искать семьи, выехавшие из Белграда с транспортом Корпуса. С этой же даты Русский Корпус перестал существовать, и был создан Союз бывших чинов Русского Корпуса. Постепенно корпусники находили свои семьи, и начался отъезд за океан. Большинство корпусников нашло пристанище в Аргентине и США.

В книге упоминается Борис К. Ганусовский, хороший знакомый нашей семьи, как редактор бюллетеня «Новый путь», издаваемого в Белграде в 1942–1943 гг. Тут надо заметить, что Борис был также редактором довоенного белградского юмористического журнала «Бух», который пользовался большим успехом у русских в Сербии. Судьба его сложилась следующим образом. В сентябре 1943 года XV Казачий корпус, которым командовал генерал фон Паннвиц, закончив боевую учебу, первоначально должен был быть отправленным во Францию на защиту Атлантического вала. Казаки заявили, что всегда боролись против Сталина, западные союзники им не враги и воевать с ними не будут. Тогда Казачий корпус был переброшен на Балканы для борьбы против партизан Тито. Борис Ганусовский поступил добровольцем в 5-й Донской полк в чине хорунжего (ст. лейтенанта). Казачий корпус с боями отступил в Австрию, и 12 мая 1945 года казачьи полки стали сдавать оружие англичанам, а 28 мая началась выдача XV Казачьего корпуса в С. Союз. Был выдан и Борис Ганусовский, отсидел 10 лет в концлагере и вырвался из СССР в Австрию как отсидевший срок. В концлагере Борис ослеп, но в Вене после освобождения доктора вернули ему частичное зрение. Эмигрировал в США, где мы опять встретились. В 1983 году

*Русская Армия в Сербии, Кралево
Подрывные работы Кубанского офицерского дивизиона.*

вышла его книга «10 лет за железным занавесом» в издательстве «Глобус», Сан-Франциско. Умер Борис в 1993 году.

Малоизвестно, но Казачий корпус не раз спасал сербов. «Так, ... в районе села Дьяково (Босния) ночью 3-го января 1944 года усташы собирались живьем сжечь около 200 сербов, загнав их в печи кирпичного завода. Узнав об этом, казаки 1-го Донского полка вместе с командиром дивизиона майором Вермахта Максом примчались на место происшествия и стали насильно освобождать сербов. Около роты усташей открыли огонь, а казаки начали им отвечать. 17 казаков и 2 офицера были убиты, хорваты потеряли более 30 человек. Оставшихся донцы взяли в плен и отпустили, перепоров плетью; обреченных спасли». Это был не первый и не последний раз, когда казаки спасали сербов от мародёрства усташей.

Надо сказать несколько слов о печальной кончине как сербских, так и словенских военных соединений. Никто из сдавшихся англичанам, т.е. своим многолетним союзникам, и думать не мог, что их выдадут Тито. Ведь король Югославии Петр II со своим правительством в изгнании находился в Лондоне и считался представителем своей страны. Чтобы выдача прошла без инцидентов, всем было сказано, что их повезут поездами в Италию, на соединение с Петром II. Как и казаки в Лиенце, наши братья по борьбе с общим врагом — коммунизмом поверили слову английского офицера. Добровольно погрузились в товарные вагоны, которые моментально были наглухо заперты. Вагоны были открыты, когда поезд остановился в сегодняшней Словении, тогда части Югославии. Поезд был окружен вооруженными титовцами, которые погнало пешим ходом колонны «врагов народа» к ущелью Кочевье. В Кочевье, по примеру Катыни, в течение нескольких недель все выданные были расстреляны. По существующим данным считается, что было расстреляно более 18 тысяч антикоммунистов. Кочевье было далеко не единственным местом расстрела.

Красная армия в Сербии

В книге фотография марширующего взвода красноармейцев на фоне приветствующего сербского населения. Под фотографией объяснение: «Советские войска на улицах освобожденного Белграда, 1944 г.»

Действительно, Красную армию сербы встречали с восторгом, встречали как освободителей. Террор Тито ещё не пустил глубокие корни, а советские военные ещё не успели показать себя в истинном свете.

Мой друг детства, русский, сосед, остался в Сербии и прожил несколько лет в титовской Югославии. Забегу вперёд и скажу, что ему удалось вырваться из этой страны и эмигрировать в США. Он сам участвовал в «похождениях» красноармейцев. Так как мой друг владел русским и сербским языками, он стал переводчиком при советском офицере, когда происходила реквизиция скота. Из города выезжал конвой грузовиков в одно из окрестных сёл. В первую поездку, когда начальник конвоя вошёл в крестьянский дом и затем осмотрел коровник, свиноводник, курятник и остальное хозяйство, он выхватил пистолет и хотел застрелить хозяина, считая, что только вор или кулак может жить так богато. Не может быть, что в одном хозяйстве несколько коров, больше десяти свиней, овцы, несчитанные куры и гуси. Моему другу едва удалось его убедить пойти в соседние хозяйства и увидеть собственными глазами, что такое количество скота — норма в этой части Сербии. Офицер-начальник судил по советским колхозным стандартам, и он в первый раз видел, как зажиточно может вести хозяйство крестьянин при свободной экономической системе. Оставив по одной корове, поросенку, овце в каждом дворе села, конвой уезжал, и в следующий раз история реквизиции повторялась в другом, ещё нетронутом селе.

На железнодорожной станции Белграда мой друг видел вагоны, груженные домашней мебелью, коврами, всякой утварью, включая унитазы. Не надо гадать, куда шло всё это добро.

В то время по Белграду ходил такой анекдот. Красноармейцы были падки на ручные часы. И вот видит солдат человека, который подметает улицу метлой с длинной ручкой. Он подходит к нему и спрашивает: «Который час?», что было испробованным методом обзавестись часами. Если у прохожего были часы и он на них посмотрел, то это был последний раз, когда он их видел на своей руке.

Человек ставит метлу вверх ногами, смотрит на тень и говорит: «Ровно 12 часов». Солдат засучивает рукав, а на руке от кисти до локтя часы. Солдат смотрит на свои часы и говорит: «Да, правильно!» Затем, подумав, гаркает: «Давай метлу!»

Надо заметить, что полевая почта Красной армии первоначально доставляла только письма военнослужащих домой и из дома. С конца 1944 года, когда Красная армия вошла в Румынию, было разрешено посылать домой посылки; чем выше ранг, тем тяжелее могла быть посылка. Ясно, что шло домой то, что было, правдой или неправдой, «освобождено» солдатами и офицерами.

В Белграде были случаи изнасилования девушек, иногда групповые. Девушки перестали выходить на улицу в одиночку, выходили только в сопровождении взрослых.

Высокопоставленный серб тогдашнего правительства выразил свои чувства следующими словами: «Я всю жизнь ждал прихода русских, а когда они

пришли, то одного дня было достаточно» — «...jedног дана било доста».

В книге воспоминаний «В плену» Б.Н. Соколов в своём вступлении к трём заключительным главам, которые ему советовали удалить, заканчивает следующими словами: «Впрочем, тех явлений, которые описывает автор, советские писатели вообще предпочитали “не замечать”. Так, описывая оккупацию нами Германии, они так и “не заметили” повальный грабёж населения. Грабёж, производимый всеми: от маршала до последнего обозного солдата».

Когда маршал Жуков попал в немилость у Сталина, в 1947 году были арестованы его адъютант Сёмочкин, генерал по особым поручениям А. Минюк и член военного совета группы войск в Германии ген.-л. К. Телегин. Вскоре СМЕРШ провёл обыск в московской квартире и на даче Жукова. Найдено было неопишное богатство: ковры, картины, мебель, меха, антиквариат, драгоценности, сваленные прямо в кучу. Прав Соколов: чем выше чин, тем больше и богаче награбленное добро.

Повального террора в Сербии советскими органами и высылки в Сибирь не было. Люди пооди-

ночке исчезали. Так исчез ген. Бержье, служивший в Императорской русской армии. Бержье были выходцами из Франции около двух столетий тому назад и, как и многие другие иностранцы в России, их потомки стали русскими, сохранив свою фамилию. Два брата Бержье работали во французском посольстве шофёрами. Когда исчез отец, французский посол выдал им визы, восстановив французское гражданство, и они уехали на свою вновь найденную родину. Случаи такого «исчезновения» не были редкими.

В заключение надо сказать, что правдивого изложения событий того времени не надо избегать. Тем более, когда книга имеет *imprimatur* министра иностранных дел Лаврова и посла России в Сербии Конузина. Правдивый рассказ ускоряет выздоровление России от советского мракобесия и служит укреплению чувства собственного достоинства у граждан России.

Александров К. М. *Трагедия русского казачества: 1943–1944 гг.* //Новый Часовой (изд. С.-Петербургского университета), 1996. № 4.
Krapandžić B. M. *Kočevice Tito's bloodiest crime*. Cleveland, Ohio, 1965.
Соколов Б. Н. *В плену*. Изд. «Цитадель», 2000.

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Госархив РФ открыл выставку «Зарубежная архивная Россия. Новые поступления 2010–2011 гг.»

«Поиск и возвращение на Родину документальных свидетельств жизни наших соотечественников, некогда покинувших её, является одним из основных направлений деятельности Государственного архива Российской Федерации», — сказано в пресс-релизе.

Нынешняя презентация документов, переданных в ГА РФ из разных стран в 2010–2011 годах, очередной отчёт архива о целенаправленной деятельности по собиранию и изучению наследия русской эмиграции.

Экспозиция включает в себя уникальные подлинные фотографии, личные документы, эмигрантскую периодику, редкие художественные и научные издания из личных архивов известных в эмиграции общественных и политических деятелей: публициста, историка-архивиста Б.И. Николаевского; представителя второй волны историка и политолога С.В. Утехина; председателя объединения кадетов Российских кадетских корпусов за рубежом А.Б. Йордана; поэтессы, члена литературного кружка «Молодая Чураевка» Л.Ю. Хаиндровой, вернувшейся в СССР после Второй мировой войны.

Особый интерес представляют копии печатных изданий, выходящих в 1920–1930-е гг. в Китае — одном из крупнейших центров русской эмиграции, которые были переданы в дар архиву исполнительным директором фонда «Русский мир» В.А. Никоновым.

В экспозиции представлены документы нескольких фондов архива Свято-Троицкой духовной се-

минарии Русской Православной Церкви за рубежом (г. Джорданвилль, США). Они были переданы архиву в 2010–2011 гг. по соглашению с семинарией и составили отдельную коллекцию. Это документы генерала П.Н. Краснова, публициста В.К. Абданк-Косовского, председателя Казачьего Союза в США С.В. Денисова, историка и богослова В.А. Маевского, церковного деятеля С. Ляшевского, документы из архива Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), а также документальные материалы Русской средней школы в Париже (1930-е гг.)

Как и в прежние годы, пополнение архивных собраний ГА РФ новыми документальными материалами смогло состояться благодаря содействию наших соотечественников из разных стран, государственных и общественных организаций, всех тех, кто, так же как и мы, считает историю Русского Зарубежья неотъемлемой частью нашей отечественной истории.

Недавно вышел в свет каталог документов «Русский заграничный исторический архив в Праге — документация» (Прага, 2011). Это результат совместной работы сотрудников ГА РФ и Славянской библиотеки (Чешской Республики), воссоединивших в этом издании историю деятельности одного из крупнейших эмигрантских архивов.

Выставочный зал федеральных архивов находится по адресу: Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17. Тел.: 8 (495) 580–88–25, 8 (499) 245–19–25. E-mail: vza_fa@mail.ru